

АВИЛКИНА ДЖУЛЬЕТА

ВЕТЕР, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ЗАВТРА

роман

16+

Джульета Авилкина

**ВЕТЕР, КОТОРЫЙ
ПОМНИТ ЗАВТРА**

«Автор»

2026

Авилкина Д.

**ВЕТЕР, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ЗАВТРА / Д. Авилкина —
«Автор», 2026**

Когда привычный мир начинает трещать по швам, человек оказывается перед главным выбором: жить по старой инерции или шагнуть навстречу неизвестному. «Ветер, который помнит завтра» — это глубокий и захватывающий роман о внутреннем пробуждении, свободе, любви, страхе потерь и силе выбора. Герои книги проходят через испытания, встречи, расставания и открытия, которые меняют не только их судьбы, но и само восприятие реальности. Здесь ветер становится не просто символом перемен, а живой силой, будто несущей память о будущем — о том, кем человек может стать, если осмелится услышать себя. Это роман о пути к себе, о надежде, о способности преодолеть боль и выйти за пределы прежней жизни. Атмосферный, эмоциональный и вдохновляющий, он обращён ко всем, кто хотя бы раз чувствовал, что впереди его ждёт нечто большее.

© Авилкина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ГОЛОС	6
Глава 1. Ветер сказал его голосом	6
Глава 2. Правило номер один	9
Глава 3. Запись, которой не существовало	12
Глава 4. Частота Иана	15
Глава 5. Люди любят знать заранее	18
Глава 6. Камера 217	21
Глава 7. Орен без перчатки	24
Глава 8. Человек, который хотел спасти всех	28
Глава 9. Рынок завтрашнего дня	31
Глава 10. Поезд, которого нет	35
ЧАСТЬ II. ШТИЛЬ	38
Глава 11. Место, где не шевелятся занавески	38
Глава 12. Грамматика свободы	43
Глава 13. Дом человека, который не вернулся	48
Глава 14. Восьмая дорога	52
Глава 15. Первое сожаление	56
Глава 16. Человек, который послушал будущее	60
Глава 17. Ядро	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джюльета Авилкина
ВЕТЕР, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ЗАВТРА
ВЕТЕР, КОТОРЫЙ

ПОМНИТ ЗАВТРА

Авилкина Джюльета

Роман

16+

ЧАСТЬ I. ГОЛОС

Глава 1. Ветер сказал его голосом

В тот вечер Иан должен был всего лишь заменить три струны на северной башне. Работа занимала сорок минут, если не дул западный. Западный дул. Он приходил с моря тяжёлым, солёным и раздражённым, словно весь день спорил с кем-то за горизонтом и теперь решил продолжить спор с городом. На высоте сорока семи этажей ветер уже не обходил человека. Он бил прямо в грудь, хватал за куртку, лез под воротник и превращал любой простой жест в маленькое соглашение с высотой. Иан любил его именно за это.

Внизу Нара зажигала вечерние окна. С этой высоты город казался устройством, которое кто-то собрал слишком сложным, а потом забыл объяснить людям, как им пользоваться. Светились мосты. По набережной ползла цепочка трамваев. На старом вокзале часы показывали без трёх минут восемь, хотя отставали на одиннадцать лет и четыре минуты — город давно решил, что чинить их уже будет неуважением к традиции. Иан лежал животом на металлическом настиле и затягивал крепление третьей струны.

— Ещё четверть оборота, — сказал Орен в наушнике.

— Я знаю.

— Когда человек в девятнадцать говорит «я знаю», это обычно означает, что сейчас что-нибудь сломается.

— Тогда не мешайте историческому моменту.

Старик хмыкнул.

Орен находился шестью этажами ниже, в служебной комнате Башни Слуха, среди шкал, медных катушек и приборов, которые выглядели так, будто их изобрели одновременно музыкант, часовщик и человек, очень не доверяющий электричеству.

Северная башня была одной из двадцати четырёх городских слуховых башен. Когда-то на них стояли только флюгеры и сигнальные огни. Теперь между мачтами тянулись тысячи тонких струн из чёрного сплава. Обычный ветер заставлял их дрожать почти неслышно. Но иногда в этом дрожании появлялось нечто другое.

Голос.

Первый зарегистрированный голос услышали шестьдесят два года назад. Женщина, работавшая смотрительницей маяка, записала на магнитную ленту слова собственного сына: «Мама, не продавай дом». Сыну тогда было семь. Через двадцать девять лет, уже после её смерти, он действительно произнёс эту фразу — в пустой кухне, обращаясь к фотографии матери, когда узнал, что дом продали за два дня до её последнего приступа. Учёные спорили ещё два десятилетия. Потом перестали спорить и начали строить башни.

Люди быстро привыкают даже к невозможному, если невозможное можно внести в реестр, обложить инструкциями и назначить за него ответственное ведомство. Иан поднялся на колени.

— Третья готова.

— Снимай зажим и спускайся.

— Проверю диапазон.

— Не проверишь.

— Почему?

— Потому что через девять минут будет гроза.

Иан посмотрел на горизонт. Над морем лежала узкая чёрная полоса.

— Через двадцать.

— Девять.

— Спорим?

— Я перестал спорить о погоде с мальчиками после того, как один из них едва не стал частью громоотвода.

— Это были вы?

— Спускайся, Иан.

Он улыбнулся и уже потянулся к страховочному тросу, когда новая струна дрогнула.

Один раз.

Совсем легко.

Иан замер. Дрожь прошла по металлу под пальцами. Это было не похоже на обычную вибрацию. Ветер дёргает струну беспорядочно. Голос сначала собирает тишину. Так учил Орен. Перед настоящим эхом всегда возникает крошечная пауза, будто мир набирает воздух.

Пауза возникла.

Иан почувствовал, как волосы на руках поднялись раньше, чем прозвучал звук.

— Орен.

В наушнике зашуршало.

— Слышу. Не двигайся.

Струна снова задрожала. Сначала появился низкий гул. Потом в нём отделились согласные. Звук был слабым, разорванным ветром, но человеческим.

— Канал? — спросил Иан.

Орен молчал дольше обычного.

— Чёрный.

У Иана пересохло во рту. Чёрным называли диапазон, который не поступал в общий Реестр. Личные эха. Служебные. Неподтверждённые. Опасные.

— Отключай струну, — сказал Орен.

Иан не пошевелился. Голос стал яснее.

Мужской.

Хриловатый.

Усталый.

Незнакомый.

И всё же Иан узнал его раньше, чем понял почему. Так человек узнаёт своё лицо в старой фотографии, даже если никогда не видел себя старым.

— Иан.

Он перестал дышать. Ветер бил в спину.

— Отключай! — рявкнул Орен.

Иан сорвал перчатку и прижал два пальца к струне. По правилам этого нельзя было делать никогда. Человеческое тело усиливало личный резонанс. В учебниках этому посвящали целую главу, набранную красным шрифтом.

Голос приблизился.

Теперь он звучал так, будто мужчина стоял прямо за плечом.

— Если ты слышишь меня...

Струна взвыла.

Иан зажмурился.

— ...не ищи отца.

Мир на мгновение стал совершенно тихим.

Даже ветер.

Потом голос произнёс:

— Я нашёл его. И это была моя ошибка.

Струна лопнула.

Иан отшатнулся. Конец чёрного металла хлестнул по рукаву и рассёк ткань от запястья до локтя. В ту же секунду небо над морем расколосось белым светом. Гром пришёл почти сразу.

Девять минут.

Орен снова оказался прав. Но впервые в жизни Иана это не имело никакого значения. Он смотрел на оборванную струну и слышал внутри только четыре слова.

Не ищи отца.

Отец исчез девять лет назад. И никто в Наре, кроме Иана, уже давно его не искал.

Глава 2. Правило номер один

У Башни Слуха было тридцать семь правил безопасности. Иан нарушил первое. Остальные тридцать шесть на его фоне казались мелочью.

— Повтори, — сказал Орен.

— Я уже повторил три раза.

— Значит, в четвёртый появится версия, в которой ты не хватаешь голой рукой личную струну во время грозы.

Они сидели в нижней мастерской. За окнами вода бежала по стеклу горизонтально. Свет время от времени мигал, но старые приборы башни этого почти не замечали: половина работала на механике, которой было всё равно, есть ли у города электричество. Орен перевязывал Иану предплечье. Порез оказался неглубоким.

— Я услышал своё имя.

— И поэтому решил умереть любопытным?

— Я услышал себя.

Руки старика на мгновение остановились. Иан это заметил.

— Вы тоже узнали голос.

— Нет.

— Врёте.

Орен затянул бинт чуть сильнее, чем требовалось.

— Ай.

— Награда за проницательность.

— Вы узнали его.

Орен убрал аптечку в ящик и захлопнул крышку. Ему было шестьдесят восемь, хотя из-за привычки двигаться медленно люди иногда принимали его за более старого. Он носил длинные серые волосы, собирал их на затылке медной скобой и никогда не снимал с левой руки перчатку без пальцев. Иан однажды спросил почему. Орен ответил: «Потому что у меня есть левая рука». С тех пор вопрос считался закрытым.

— Ты знаешь правило номер один? — спросил он.

— Не настраивать личный резонанс.

— Не просто не настраивать. Не искать. Не усиливать. Не записывать. Не пытаться получить продолжение. Почему?

— Потому что личное эхо увеличивает вероятность самосогласования.

— Человеческими словами.

Иан вздохнул.

— Чем больше человек знает о возможном будущем, тем чаще начинает принимать решения не из настоящего, а в ответ на услышанное. Это повышает вероятность именно такого будущего.

— Ещё проще.

— Пророчество может заставить себя сбыться.

— Уже лучше.

Орен сел напротив.

— Реестр существует не для того, чтобы люди жили по подсказкам из завтра. Его создали, чтобы изучать явление. Большинство эх вообще нельзя привязать к событию. Некоторые противоречат друг другу. Некоторые никогда не сбываются. А личные... — он помолчал. — Личные ломают людей быстрее всего.

— Он говорил про отца.

— Именно поэтому.

— Вы знали его.

— Кого?

— Моего отца.

В комнате щёлкнуло реле. Старик посмотрел на него долгим взглядом.

— Я работал с Леваном.

— Вы всегда говорили, что он был исследователем на южной станции.

— Он и был.

— И больше ничего?

— Больше ничего, что помогло бы тебе прожить нормальную жизнь.

Иан рассмеялся. Не весело.

— Отличная работа.

— Какая?

— Нормальная жизнь.

Он встал и подошёл к окну. Ночью башни были похожи на огромные музыкальные инструменты, которые кто-то воткнул в город вертикально. Молнии высвечивали струны между мачтами, и те на секунду превращались в серебряную паутину. Леван исчез, когда Иану было десять. В первый год мать говорила: «Его ищут». Во второй: «Мы должны жить дальше». В третий она перестала произносить его имя без необходимости.

На пятый вышла замуж за человека, который был добрым, надёжным и никогда не задавал вопросов о комнате с запертой дверью.

Иан задавал.

Девять лет подряд. Полиция считала, что Леван погиб во время аварии на западном узле. Тела не нашли. В Реестре не оказалось ни одного подтверждённого эха его последних суток. Для Нарского управления будущих резонансов человек, который не оставил после себя ни голоса, ни тела, был почти неприлично неудобным.

— Что значит «нашёл его»? — спросил Иан.

— Ничего.

— Это сказал я.

— Возможный ты.

— Он старше меня.

— По голосу — лет на двадцать.

Иан обернулся.

— Значит, вы всё-таки узнали.

Орен закрыл глаза.

— Чёрт.

— Сколько мне там?

— Не знаю.

— Сорок?

— Иан.

— Сорок пять?

— Иан, послушай меня внимательно. Завтра ты напишешь отчёт, в котором укажешь: во время грозы произошёл случайный резонанс неустановленного происхождения. Текст не был разобран. Струна повреждена атмосферным разрядом.

— Вы предлагаете соврать Реестру?

— Я предлагаю впервые в твоей жизни воспользоваться тем, что у тебя есть мозг.

— А потом?

— Потом ты вернёшься на курсы. Сдашь второй уровень. Через год будешь настраивать башни без меня и жаловаться ученикам, что они всё делают неправильно.

— А отец?

Орен посмотрел на дождь.

— Останется там, где находится.

Иан почувствовал злость — быструю, почти детскую.

— Вы знаете где.

— Нет.

— Но знаете, что с ним случилось.

— Я знаю, что он сделал перед исчезновением.

Тишина.

Гроза уходила к северу.

— Что?

Орен снял очки и протёр их краем рубашки.

— Нарушил правило номер один.

Глава 3. Запись, которой не существовало

Наутро город пах мокрым камнем, кофе и электричеством. Нара умела быстро делать вид, что ничего не случилось. После ночной грозы дворники сметали ветки, трамваи снова звенели на поворотах, торговцы разворачивали навесы, а на площади перед Реестром уже стояла очередь людей, желающих узнать, не зарегистрировал ли ветер что-нибудь важное лично для них. Официально такого сервиса не существовало.

Очередь существовала.

Иан пришёл на занятия к девяти, сел на последнюю скамью и полтора часа слушал лекцию о спектральном смещении влажного воздуха. На доске преподаватель рисовал формулы. На полях тетради Иан четыре раза написал одну и ту же фразу:

Я нашёл его. На пятом разе рядом появилась чужая рука и дописала:

ПОЗДРАВЛЯЮ. КОГО?

Иан повернул голову. Том сидел через место и изображал безупречное внимание к лекции. Иан зачеркнул написанное. Том снова протянулся:

Я ТЕБЯ ТРИ ГОДА ЗНАЮ. ТЫ НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ЗАЧЁРКИВАЕШЬ. КОГО ТЫ НАШЁЛ?

Иан написал:

НИКОГО.

Том прочёл, кивнул и добавил:

ТОГДА ЭТО ЕЩЁ ПОДОЗРИТЕЛЬНЕЕ.

После пары Иан ушёл прежде, чем друг успел его догнать. Архив Реестра находился в старом здании центральной почты. Когда голоса будущего только начали регистрировать, их считали разновидностью сообщений, поэтому государство по привычке отдало явление почтовому ведомству. Через полвека ведомство выросло в отдельное Управление, но здание сохранило прежние бронзовые ящики на стенах. На одном до сих пор было написано: ПИСЬМА ДО ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА. Восточного берега не существовало тридцать лет после землетрясения.

Иан показал пропуск стажёра и спустился в подвал. Ему нужен был сектор закрытых записей. Туда стажёров не пускали. Это была первая проблема. Вторая заключалась в том, что он понятия не имел, что ищет. Третья — в том, что у стеклянной двери сектора сидела Лея Вард. С Леей они учились в одной группе первые два года, пока она не бросила курс настройщиков и не перешла в архивисты. По её словам, «ветер интереснее людей, но люди хотя бы стоят на месте, когда задаёшь им вопрос». Она подняла глаза от книги.

— О.

— Что «о»?

— Обычно ты появляешься там, куда тебе нельзя, ближе к вечеру. Я удивлена дисциплиной.

— Мне нужно в закрытый сектор.

— Разумеется.

— На десять минут.

— Конечно.

— Лея.

— Иан.

— Ты можешь просто сказать «нет».

— Могу. Нет.

Она снова открыла книгу. Иан сел на стул напротив.

— Я подожду.

— Я работаю до шести.

— Я терпеливый.

— Ты однажды разобрал часы в аудитории, потому что до конца занятия оставалось двенадцать минут.

— Они спешили.

— На семь секунд.

— Это не оправдание.

Лея улыбнулась, не поднимая глаз. У неё были короткие тёмные волосы и странная привычка носить серьги только в одном ухе. Сегодня там висело маленькое серебряное перо.

— Что ты ищешь?

— Запись с западного узла девятилетней давности.

Улыбка исчезла.

Она закрыла книгу.

— Леван?

Иан кивнул.

— Почему сейчас?

— Просто хочу проверить.

— Ты плохо врёшь.

— Все почему-то сообщают мне это с удовольствием.

Лея посмотрела на дверь сектора, потом на камеру в углу.

— В официальном архиве дела твоего отца нет.

— Я знаю.

— Нет, ты знаешь, что оно закрыто. Я говорю: его нет.

Иан перестал улыбаться.

— Что значит «нет»?

— Карточка существует. Номер дела существует. Ссылки на семь аудиофрагментов существуют. Самих файлов нет. Три года назад я проверяла.

— Почему?

— Потому что ты тогда напился на дне рождения Тома и два часа рассказывал, что твой отец не мог исчезнуть без эха.

— Я такого не помню.

— Я на это и рассчитывала.

— И?

— Пусто. Кто-то удалил записи так, чтобы система продолжала считать, что они на месте.

Иан встал.

— Мне нужно увидеть карточку.

Лея вздохнула.

— Ты только что услышал что-то, да?

Он не ответил. Она несколько секунд смотрела ему в лицо.

— Личное?

Иан отвернулся.

— Ты идиот.

— Это не ответ на вопрос.

— Это диагноз. Орен знает?

— Он был там.

Лея встала, достала из кармана ключ и подошла к двери.

— Десять минут.

— Ты сказала «нет».

— Я передумала.

— Почему?

Она вставила ключ.

— Потому что три года назад нашла в карточке одну вещь, которую решила тебе не показывать.

Дверь щёлкнула.

— Какую?

— Последняя подтверждённая служебная операция твоего отца была не на западном узле.

Лея открыла дверь.

— За шесть часов до исчезновения он пришёл сюда.

— В архив?

— В этот сектор.

Она посмотрела на него через плечо.

— И запросил твою будущую частоту.

Глава 4. Частота Иана

В закрытом секторе не было ничего таинственного. Это разочаровало Иана. Он ожидал хотя бы тяжёлых сейфов, красных ламп или дверей, которые открываются после сканирования сетчатки. Вместо этого увидел серые шкафы, семь терминалов и растение в горшке, давно смилившееся с отсутствием солнца.

— Здесь хранят самые опасные записи города? — спросил он.

— Самые скучные помещения обычно охраняют самые интересные вещи.

Лея включила четвёртый терминал.

— У нас восемь минут до смены журнала доступа.

— Ты это часто делаешь?

— Никогда.

— Очень уверенно выглядишь.

— Потому что паникую внутри. Попробуй, удобно.

Она ввела номер старого дела. На экране появилась карточка:

ЛЕВАН СОРР

Инженер-резонансист, уровень допуска 6.

Статус: пропал без вести.

Дата: 14 октября, девять лет назад.

Последняя станция: Западный узел. Ниже шли ссылки на семь записей. Все отмечены зелёным. Лея нажала первую.

ФАЙЛ НЕ НАЙДЕН.

Вторую.

ФАЙЛ НЕ НАЙДЕН.

— Кто мог удалить?

— Уровень семь и выше.

— Таких сколько?

— Сейчас двенадцать человек. Тогда было девять.

— Орен?

Лея взглянула на него.

— Был шестого.

Иан почувствовал необъяснимое облегчение.

— А запрос моей частоты?

Она открыла вкладку служебных действий. Там была строка:

14.10 / 03:42 / оператор Л.СОРР / запрос семейного резонансного диапазона / объект: И.СОРР / возраст объекта: 10 лет 2 месяца / результат: ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН.

— Он пытался послушать меня.

— Да.

— Зачем?

— Не знаю.

— Мой отец за несколько часов до исчезновения пришёл в закрытый архив, попытался найти голос десятилетнего сына из будущего, потом уехал на станцию, где его след обрывается.

— Да.

— А Управление решило удалить все записи.

— Похоже на то.

— И ты никому не сказала?

— Сказала начальнику смены. Через день меня вызвал заместитель директора и очень вежливо объяснил, что старые карточки иногда содержат ошибки миграции данных.

— И ты поверила?

Лея посмотрела на него так, что вопрос сам почувствовал себя глупо. В верхнем углу терминала мигнула жёлтая точка.

— Пять минут.

Иан листал журнал дальше. За запросом его частоты была ещё одна операция. 14.10 / 03:47 / оператор Л.СОРР / запрос частоты: Л.СОРР / результат: ДОСТУП ПРЕДОСТАВЛЕН ПО ПРОТОКОЛУ «ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ».

— Что такое «Последний свидетель»?

Лея нахмурилась.

— Не знаю.

— Ты работаешь в архиве.

— Поэтому особенно неприятно.

Она быстро ввела поиск.

ПРОТОКОЛ НЕ НАЙДЕН.

Иан нажал на строку. Появилось маленькое окно.

СВЯЗАННАЯ ЗАПИСЬ: 14-10-03-51-LS.

— Она есть.

Лея замерла.

В отличие от остальных ссылок эта была серой, без зелёной отметки.

— Не открывай.

— Почему?

— Потому что система не видит её как файл.

— Тем лучше.

— Иан.

Он нажал.

Экран погас.

Из динамика терминала раздался треск.

Лея выругалась.

Потом появился ветер. Не звук ветра.

Само ощущение.

Воздух в архиве вдруг стал холодным и влажным. Бумаги на столе дрогнули, хотя вентиляция была выключена. Из динамика донёсся голос.

Леван.

Иан не слышал его девять лет. Память хранила отдельные интонации: как отец говорил «осторожно» на лестнице; как смеялся, когда Иан впервые попытался починить радиоприёмник и превратил его в маленький обогреватель; как произносил имя матери, когда хотел, чтобы она перестала злиться. Но голос целиком память не сохранила. Теперь он вернулся сразу.

— Если запись открылась, значит, я не вернулся.

Иан схватился за край стола. Лея перестала дышать.

— Это не авария, — продолжал Леван. — И не похищение. Я ушёл сам.

Пауза.

На заднем плане записи что-то гудело — глубокий звук, похожий на огромную струну.

— Мы ошибались в главном. Ветер не приносит будущее.

Иан почувствовал, как по спине прошёл холод.

— Он приносит сожаление.

Лея быстро увеличила громкость.

— Не событие. Не судьбу. Не то, что обязательно случится. Только голос человека из момента, в котором он больше всего хотел бы изменить свой выбор.

Иан взглянул на неё. Она была бледной.

— Мы построили цивилизацию прогнозов на звуке человеческого сожаления.

На записи ударил порыв. Леван заговорил быстрее.

— И теперь кто-то пытается сделать так, чтобы сожалений больше не было.

В коридоре щёлкнул замок. Лея резко выключила монитор.

— Нас засекли.

Но голос продолжал звучать из уже тёмного динамика. Последняя фраза была едва слышна.

— Если Иан когда-нибудь услышит себя — не позволяйте ему идти в Штиль.

Дверь сектора начала открываться.

Глава 5. Люди любят знать заранее

Лея умела убегать из государственных архивов значительно лучше, чем Иан ожидал от человека, добровольно выбравшего профессию архивиста. Она дёрнула его за рукав, провела между шкафами, открыла узкую техническую дверь и через десять секунд они уже поднимались по лестнице, которой, по словам Леи, «официально не существовало, поэтому уборщицы её ненавидели». Снизу слышались голоса.

— Кто вошёл в сектор четыре?

— Терминал четыре активирован без сменного допуска.

Иан хотел остановиться. Лея толкнула его в спину.

— Если сейчас тебя поймут, весь твой великий поиск закончится объяснительной в трёх экземплярах.

— Запись осталась.

— Если она прожила девять лет без системы, проживёт ещё час.

Они вышли через почтовый зал, смешались с очередью и оказались на площади. Дождя уже не было. Солнце освещало мокрые крыши так ярко, будто ночь с грозой кому-то приснилась. На ступенях Реестра женщина лет пятидесяти ругалась с сотрудником приёмной.

— Мне сказали, что есть голос моей дочери!

— Госпожа, запись имеет вероятность идентификации сорок один процент.

— Она говорит «мама»!

— Слово «мама» не является уникальным идентификатором.

— Я заплатила за срочное извещение!

Иан остановился. Каждый день здесь происходило одно и то же. Люди приходили за будущим. Официально Реестр никогда не давал советов. Он только уведомлял о зарегистрированных эхах. В каждом письме крупными буквами стояло предупреждение: ЗАПИСЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕМ. А ниже мелкими буквами — вероятность, дата предполагаемого источника и список возможных событий. Этого было достаточно.

Если мужчина слышал будущий голос, говорящий: «Надо было принять предложение», он принимал следующее предложение, не спрашивая какое. Если женщина слышала: «Почему я тогда не ушла?», она могла разрушить хорошие отношения из страха однажды пожалеть, что осталась. Если родители слышали плач взрослого ребёнка, они начинали защищать его от всего на свете и иногда именно этим делали несчастным. Люди ненавидели неопределённость больше, чем плохие новости. Плохая новость хотя бы давала направление.

— Ты понимаешь, что сказал твой отец? — спросила Лея, когда они свернули в боковую улицу.

— Что Управление лжёт.

— Нет. Это как раз наименее интересная часть. Он сказал, что эха возникают из сожаления.

— И?

Лея остановилась.

— И тогда фраза «не ищи отца» означает не то, что искать его нельзя.

Иан перевёл на неё взгляд.

— А что?

— Что однажды ты его найдёшь и пожалеешь об этом настолько сильно, что твой голос пробьётся назад сквозь двадцать лет.

Он усмехнулся.

— Спасибо. Намного легче.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Они пошли дальше. На перекрёстке ветер перевернул рекламный щит. На нём улыбающийся мужчина держал маленький домашний приёмник эх.

СЛЫШЬТЕ ЗАВТРА. ЖИВИТЕ УВЕРЕННЕЕ СЕГОДНЯ.

Под рекламой мелким шрифтом: «Не является средством прогнозирования». Лея проследила его взгляд.

— Люди любят знать заранее.

— Все.

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что не послушала бы собственный голос?

— Не стала бы искать.

— А если бы случайно услышала?

Она пожала плечами.

— Постаралась бы забыть.

— Почему?

Лея остановилась у пешеходного перехода. Красный свет отражался в лужах.

— Потому что если моя будущая версия имеет право командовать мной сегодняшней, тогда кто из нас вообще живёт?

Иан хотел ответить, но загорелся зелёный. Они перешли улицу.

— Что такое Штиль? — спросил он.

— В погодном смысле?

— Не начинай.

— Я не знаю.

— Отец говорил так, будто это место.

— Или проект.

— Или человек.

— Штиль не очень хорошее имя для человека.

— Ты работаешь с женщиной по имени Бертольд.

— Справедливо.

Иан достал телефон. Три пропущенных от Орена.

Одно сообщение:

НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ В БАШНЮ.

Пока он читал, пришло второе.

ОНИ ЗНАЮТ ПРО ЗАПИСЬ.

И третье.

ЕСЛИ ТЫ УЖЕ С ЛЕЕЙ, ИДИТЕ К СТАРОМУ ВОКЗАЛУ. КАМЕРА ХРАНЕНИЯ 217. КЛЮЧ У НЕЁ.

Иан показал экран. Лея медленно подняла глаза.

— У меня нет никакого ключа.

В этот момент что-то металлическое ударилось о камень у её ног. Они оба посмотрели вниз. На мостовой лежал маленький латунный ключ. Лея побледнела.

— Он выпал из моего кармана.

— Ты сказала, что у тебя его нет.

— Потому что его у меня не было.

Она подняла ключ. На бирке было выбито:

217.

Иан посмотрел на небо.

Ветер усиливался.

— Ты всё ещё хочешь забыть всё, что говорит будущее?

Лея сжала ключ в ладони.
— Теперь особенно.

Глава 6. Камера 217

Старый вокзал закрыли для пассажиров ещё до рождения Иана. Город построил новый — стеклянный, быстрый и одинаковый с любой стороны. Старый оставили стоять между рынком и рекой, потому что снести его оказалось дороже, чем объявить памятником. Нара часто превращала дорожные ошибки в культурное наследие. Внутри пахло пылью, железом и тем особенным холодом больших пустых помещений, где когда-то ежедневно встречались тысячи людей. Под потолком висела табличка:

ПРИБЫТИЕ

Ни один поезд сюда больше не прибывал.

— Романтично, — сказала Лея.

— Что именно?

— Место, куда никто не приезжает, хранит ответы о человеке, который не вернулся.

— Ты всегда такая бодрая?

— Только когда страшно.

Камеры хранения находились в западном крыле. Большинство дверец были открыты. На некоторых дети нарисовали мелом лица. Номер 217 оказался в нижнем ряду, почти у пола.

Лея присела.

— Если внутри человеческая голова, я ухожу.

— Почему сразу голова?

— Люди в историях никогда не прячут в тайных ящиках носки.

Ключ вошёл легко.

Замок щёлкнул.

Внутри лежал серый холщовый свёрток. Иан достал его и развернул на скамье. Первым появился компас. Только стрелки у него не было. Под стеклом находилось семь тонких металлических лепестков. Они лежали неподвижно, каждый указывал в свою сторону.

— Резонансный искатель, — сказала Лея.

— Старый.

— Очень старый. Я такие видела только в каталоге первой экспедиции.

Рядом лежала катушка чёрной струны, похожей на ту, что лопнула на башне, и небольшой механический диктофон. Последним Иан вынул конверт. На нём было написано:

ОРЕНУ.

Ниже, другим нажимом:

ИЛИ ИАНУ, ЕСЛИ ОРЕН ОПЯТЬ РЕШИТ, ЧТО МОЛЧАНИЕ — ЭТО ЗАБОТА.

Иан невольно усмехнулся.

— Похоже на твоего отца? — спросила Лея.

— Очень.

Он вскрыл конверт. Внутри лежал один лист.

Орен,

если ты читаешь это раньше Иана, значит, я всё ещё надеюсь, что ты окажешься умнее меня и не дашь ему повторить мой путь. Если читает Иан — извини, сын. Некоторые отцы оставляют детям деньги. Некоторые дом. Я, кажется, оставил тебе проблему с погодой. Не верь голосам только потому, что они говорят твоим голосом. Не верь мне только потому, что я твой отец. И особенно не верь человеку, который обещает избавить тебя от сожалений.

Штиль существует.

Мы создали его.

Леван.

Внизу была нарисована линия из четырёх точек и одной пустой окружности. Лея перечитала письмо.

— «Мы создали».

— Да.

— Значит, Орен участвовал.

Иан ничего не ответил. Ему не нравилось, как быстро некоторые подозрения превращаются в правду, если дать им несколько часов. Он включил диктофон. Катушка внутри зашуршала.

Сначала ничего.

Потом голос Орена.

Молодой.

Иан никогда не слышал его таким.

— Испытание четырнадцать. Северная камера. Время 02:11. Леван, убери руку.

Голос отца, тоже молодой:

— Она ничего не показывает.

— Потому что ты держишь её неправильно.

— Я её создал.

— Это не мешает тебе держать её неправильно.

Послышался смех.

Иан закрыл глаза. Два человека разговаривали о приборе. Обычный рабочий спор. Именно эта обыденность ударила сильнее всего. Отец был живым не в официальной карточке, не в исчезновении, не в фотографии на полке.

Он смеялся.

Запись продолжалась.

— Ещё раз, — сказал Леван. — Даю ток.

Гул.

Потом чей-то третий голос.

Женский.

Очень далёкий.

— ...не надо было просить тишины...

Орен на записи выругался.

Леван прошептал:

— Получилось.

— Выключай.

— Подожди.

— Леван, выключай.

— Ты понимаешь? Мы не поймали эхо. Мы вызвали его.

Запись оборвалась.

Лея медленно села на край скамьи.

— Башни только слушают ветер.

— А это устройство заставляло ветер отвечать.

— Если они научились вызывать эха...

— Можно было задавать вопросы.

— Или выбирать, чей ответ услышать.

Иан посмотрел на компас. Один из семи лепестков дрогнул. Они оба замолчали. Лепесток повернулся на несколько градусов.

И ещё.

Теперь он указывал не на север. Он указывал прямо на Иана. Второй лепесток медленно повернулся к Лее. Остальные пять остались неподвижны.

— Что это значит? — спросил Иан.

Лея не ответила. Из глубины старого вокзала донёлся звук. Далёкий скрип колёс. Иан посмотрел в сторону заброшенных платформ.

— Здесь нет поездов.

— Я в курсе.

Скрип стал громче. Потом на огромном табло под потолком, которое не включалось двадцать семь лет, вспыхнула одна строка. Буквы собирались медленно.

ПЛАТФОРМА 0.

ОТПРАВЛЕНИЕ: 23:40.

НАПРАВЛЕНИЕ: ПТИЛЬ.

Лея посмотрела на часы. Было 11:26 утра.

— Ну хоть время есть, — сказала она.

— На что?

— Решить, насколько сильно мы не хотим туда ехать.

Глава 7. Орен без перчатки

Орен пришёл в 11:41. Не через главный вход. Он вышел из тёмного туннеля между платформами, будто старый вокзал всё это время был его домом, а они — шумными гостями. На нём не было куртки. Левая рука была голой. Иан впервые увидел шрам. Он начинался у основания большого пальца, поднимался по ладони и исчезал под рукавом. Но странным был не сам шрам. На коже вокруг него проступали тонкие чёрные линии, словно под ней лежали кусочки струны. Орен заметил взгляд.

— Поэтому перчатка.

— Что с рукой?

— Глупость, сделанная в тридцать семь. Удивительно живучая вещь.

Лея подняла компас.

— Это вы оставили ключ?

— Нет.

— Тогда как он оказался у меня в кармане?

— Не знаю.

— Мне всё меньше нравятся ответы взрослых мужчин в этой истории.

Орен прошёл к скамье, увидел письмо и закрыл глаза.

— Он всё-таки положил его сюда.

— Вы знали про камеру.

— Знал.

— Девять лет.

— Да.

— И молчали.

— Да.

Иан подошёл ближе.

— Почему?

Орен не отвёл взгляд.

— Потому что обещал твоему отцу.

— В письме написано обратное.

— В письме он был собой. За два часа до того, как ушёл, попросил меня никогда не отдавать тебе компас.

— Почему вы решили послушаться именно последней версии?

Орен помолчал.

— Потому что у него был такой взгляд, который появляется у человека после того, как он услышал что-то слишком убедительное.

По спине Иана прошёл холод.

— Личное эхо.

— Да.

— Что оно сказало?

Старик посмотрел на мёртвые пути.

— «Если Иан войдёт в Штиль, ты потеряешь его».

— Чей голос?

— Левана.

— Из будущего?

— Из сожаления, как он потом понял.

Лея скрестила руки.

— Объясните всё с начала.

Орен усмехнулся.

— Я сорок лет избегал этой беседы. Приятно, что в итоге её ведёт девочка, которая угрожает мне взглядом.

— Мне двадцать.

— Тем более страшно.

Он сел. На старом вокзале было тихо. Где-то в стене капала вода.

— Первые башни только регистрировали эха, — начал Орен. — Мы с Леваном были молодыми инженерами и считали это ужасно пассивным. Мир говорит с будущим, а мы сидим с карандашами и записываем. Поэтому мы создали резонатор.

Он коснулся компаса.

— Эта штука могла не просто находить эхо. Она усиливала вероятность конкретного вопроса.

— Как вопрос может иметь частоту? — спросил Иан.

— Никак. Частоту имеет человек, который будет сожалеть об ответе.

Лея нахмурилась. Орен взял металлическую шайбу и положил на ладонь.

— Представь, что завтра ты выбираешь между двумя дорогами. На одной теряешь работу. На другой — человека. Через десять лет, вспоминая этот день, ты можешь сожалеть о любом выборе. Эхо возникает не из будущего вообще. Оно возникает из точки сильного внутреннего давления. Как звук из натянутой струны.

— Значит, будущее уже существует?

— Я не знаю.

— Удобно.

— Лучшие научные ответы иногда именно такие.

Орен продолжил:

— Мы научились натягивать вероятность искусственно. Задавали человеку выбор, усиливали его частоту и ловили эха из разных возможных последствий.

— Вы видели варианты будущего, — сказал Иан.

— Нет. Мы слышали варианты сожаления. Это намного хуже.

— Почему?

Орен взглянул на него.

— Потому что сожаление всегда говорит убедительно. Оно знает, где больно. Оно не показывает тебе прекрасную жизнь, которую ты получил благодаря выбору. Оно показывает только то, что потерял.

Иан вспомнил свой голос на башне.

Не ищи отца.

— Мы должны были остановиться, — сказал Орен. — Но потом появился Эллиот Керн.

Лея подняла голову.

— Директор Института вероятностей?

— Тогда ещё нет. Тогда он был человеком, который умел задавать самый опасный вопрос в мире.

— Какой?

— «А что, если получится?»

Орен провёл пальцем по шраму.

— Керн предложил не слушать отдельные решения. Он хотел найти состояние, в котором человек вообще не производит эха сожаления.

— Штиль.

— Да.

— Избавить людей от сожалений звучит не ужасно, — сказала Лея.

— Именно поэтому мы согласились.

Старик поднялся.

— Самые опасные идеи редко входят в комнату с ножом. Обычно они приносят хорошую цель.

Иан посмотрел на табло. Строка ПЛАТФОРМА 0 всё ещё горела.

— Где отец?

— Не знаю.

— Он ушёл в Штиль?

— Да.

— Где это?

— Не место в обычном смысле.

Лея вздохнула.

— Потрясающе. Наконец нормальный ответ.

Орен почти улыбнулся.

— Первую камеру Штиля построили на острове Тар. Потом проект закрыли. Официально.

— Неофициально?

— Я девять лет пытался не выяснять.

— И сегодня передумали?

— Нет.

Он посмотрел на Иана.

— Сегодня выяснение пришло само.

Где-то под землёй снова раздался скрип колёс. Орен побледнел.

— Платформа Ноль не должна существовать.

— Вы её знаете.

— Знаю идею.

— Что это?

Старик посмотрел на табло. До отправления оставалось одиннадцать часов пятьдесят две минуты.

— Последний этап проекта. Поезд, который должен был идти по направлению не в пространстве, а в вероятности.

Лея несколько секунд молчала.

— Скажите это ещё раз, но чтобы фраза стала менее безумной.

— Не станет.

Иан взял компас. Два лепестка по-прежнему указывали на него и Лею. Третий медленно начал поворачиваться.

К Орену.

— Похоже, едем втроём, — сказал Иан.

— Нет.

— Вы только что рассказали мне, что девять лет скрывали правду.

— И продолжу, если это сохранит тебя живым.

— Вы не можете решать за меня.

— Могу попытаться.

Иан шагнул ближе.

— Именно это делал Штиль, да?

Старик замолчал.

Попал.

Иан сам почувствовал это.

— Избавить людей от плохих выборов. Решить заранее, где они будут меньше сожалеть.

— Не сравнивай.

— Почему? Потому что вы любите меня, а Керн любил человечество?

Орен вздрогнул.

— Любовь не делает контроль свободой.

Лея тихо сказала:

— Иан.

Но он уже не мог остановиться.

— Я поеду.

Орен смотрел на него долго. Потом впервые за всё время Иан увидел в его лице не раздражение, не усталость и не старческую осторожность.

Страх.

— Тогда, — сказал Орен, — прежде чем ты сядешь в этот поезд, тебе придётся услышать, почему твой отец создал Штиль.

Глава 8. Человек, который хотел спасти всех

Леван боялся не смерти. Он боялся одного конкретного дня. Орен рассказал об этом в кафе напротив вокзала, потому что, по его словам, «человеческие катастрофы лучше обсуждать там, где подают пирог». Они заняли столик у окна. Лея заказала три кофе, Орен — яблочный пирог, Иан ничего.

— Тебе было два, — сказал старик. — Леван работал на первой станции вызванного резонанса. Мы уже умели получать слабые ответы. Один эксперимент касался дорожной безопасности. Хотели понять, можно ли заранее услышать сожаление человека перед аварией и изменить решение.

— И?

— Получили двадцать семь голосов одного водителя.

Иан нахмурился.

— Двадцать семь вариантов?

— Двадцать семь сожалений. В одном он жалел, что поехал. В другом — что остался. В третьем — что взял дочь. В четвёртом — что оставил её дома. В пятом аварии вообще не было, но умер его брат, потому что водитель не оказался рядом.

Орен разрезал пирог, но не ел.

— Леван впервые понял, что идеального выбора не существует. Любое решение закрывает другие дороги. А закрытая дорога может однажды стать причиной боли.

— И поэтому он решил убрать сожаление?

— Не сразу.

Орен посмотрел на улицу.

— В тот год умерла твоя сестра.

Иан не сразу понял слова.

— Какая сестра?

Лея медленно поставила чашку. Орен закрыл глаза.

— Вот поэтому я ненавижу обещания мёртвым.

— Какая сестра?

— Её звали Мира. Она родилась за пять лет до тебя.

Иан смотрел на старика. Мир продолжал двигаться. Официантка несла поднос. За окном проехал автобус. Мужчина у стойки смеялся в телефон. Всё это было оскорбительно обычным.

— У меня не было сестры.

— Была.

— Мать никогда...

— Она умерла в семь. Болезнь сердца. Очень редкая. Врачи не успели.

— Почему мне не сказали?

— После твоего рождения родители решили...

— Решили что?

Орен говорил медленно.

— Не превращать тебя в ребёнка, живущего рядом с призраком другого ребёнка.

Иан отодвинул стул.

— Мне нужно выйти.

— Иан...

Он уже шёл к двери. На улице было холодно. Иан дошёл до реки, остановился у парапета и только там понял, что не может нормально вдохнуть.

Сестра.

Семь лет.

Мира.

В его доме не было фотографий девочки. Ни игрушек. Ни имени. Ничего. Люди могли удалить человека из семейной истории так же аккуратно, как Управление удалило записи отца. Не из злобы.

Из любви.

Это почему-то было хуже. Лея подошла через несколько минут. Она не сказала «ты как?». За это Иан был ей благодарен. Они стояли рядом. На реке ветер поднимал маленькие волны.

— Я всю жизнь думал, что знаю, из какой семьи пришёл.

— Мы все так думаем.

— Ты знала?

— Нет.

— Орен?

— Знал.

— Мать.

— Знала.

— Отец.

— Очевидно.

Иан рассмеялся коротко и зло.

— Все решили, что мне будет лучше не знать.

Лея опёрлась локтями о парапет.

— Люди часто называют «лучше» то, что им легче объяснить.

Он посмотрел на неё.

— Ты всегда говоришь фразами, которые хочется записать?

— Только когда не знаю, как помочь.

Они вернулись через десять минут. Орен не ушёл. Пирог перед ним остался нетронутым.

Иан сел.

— Продолжайте.

Старик кивнул.

— После смерти Миры Леван сделал то, что делают многие родители. Начал мучить себя вариантами. Если бы заметил симптом раньше. Если бы повёз к другому врачу. Если бы не согласился на операцию. Если бы согласился раньше. Если бы в тот день был дома.

— И стал слушать эха.

— Да. Сначала свои. Потом твоей матери. Потом врачей. Он пытался найти дорогу, на которой Мира выжила.

— Нашёл?

Орен перевёл на него взгляд.

— Сотни.

Иан замер.

— Что?

— Вызванный резонанс показал сотни цепочек сожалений, где другие решения могли привести к её спасению.

— Значит...

— Нет. Не «значит». Он слышал только эха. Никакой дороги нельзя было прожить заново.

— Но он узнал, что мог её спасти.

— Он узнал, что существует бесконечное количество историй, в которых он считает, что мог её спасти.

Орен впервые взял вилку, но снова положил.

— Это разрушило его. А потом породило идею.

— Штиль.

— Если сожаление возникает из сравнения настоящей жизни с воображаемой, подумал Леван, значит, можно создать состояние, где закрытые варианты не ощущаются как потеря.

Лея нахмурилась.

— Что-то вроде подавления памяти?

— Глубже. Керн нашёл способ удерживать сознание в узком коридоре вероятности. Человек перестаёт постоянно моделировать альтернативы. Не «что было бы, если». Только то, что есть.

Иан тихо сказал:

— Звучит почти как счастье.

— Да.

Орен наконец отрезал кусок пирога.

— В этом и проблема.

— Почему?

Старик посмотрел прямо на него.

— Потому что способность представить другую жизнь — это не только источник сожаления.

Он указал вилкой на окно.

— Это также причина, по которой раб представляет свободу. Больной — лечение. Одинокий — любовь. Учёный — открытие. Ребёнок — взрослого, которым хочет стать. Если человек не способен увидеть жизнь иной, чем она есть, он может быть очень спокойным.

Пауза.

— И совершенно несвободным.

Иан посмотрел на табло вокзала через стекло кафе.

ПЛАТФОРМА 0.

До отправления оставалось девять часов.

— Отец понял это?

— Слишком поздно.

— Поэтому ушёл?

— Поэтому вернулся в проект.

— Не понимаю.

— Чтобы уничтожить его изнутри.

Орен взял чашку.

— И не вернулся.

Глава 9. Рынок завтрашнего дня

До поезда оставалось семь часов, когда Лея сказала:

— Нам нужны деньги.

Иан поднял голову от отцовского компаса. Они снова сидели в пустом вокзале. Орен ушёл забрать документы и предупредил, что может не вернуться: Управление уже искало их троих.

— У меня есть деньги.

— На кофе и гордость.

— На что ещё?

— Мы собираемся ехать в место, которое официально не существует, на поезде, который не должен ездить. Мне кажется разумным предположить, что банковские карты там не лучший план.

— И что ты предлагаешь?

— Продать запись.

Иан понял сразу.

— Нет.

— Я не говорю про твоего отца.

— Моё эхо тоже нет.

— Я говорю про копию пустого диапазона с терминала. Сам факт существования скрытой записи Управления стоит денег.

— Кому?

— Людям, которым не стоит ничего продавать.

— Отлично.

— Поэтому платят хорошо.

Рынок Завтра находился под восточной эстакадой и официально назывался торговым комплексом «Маяк». Там продавали одежду, старые телефоны, специи, книги и будущее. Последнее — нелегально. Вдоль самого дальнего ряда стояли маленькие кабинки со шторами. Над ними висели невинные вывески: РЕМОНТ ЗВУКА, АУДИОАРХИВ, СЕМЕЙНЫЕ ЗАПИСИ. Внутри можно было купить чужое эхо.

Некоторые люди верили, что голоса будущего работают как советы независимо от личности. Покупали записи успешных предпринимателей, спортсменов, политиков. Особенно дорого стоили последние слова тех, кто умер внезапно. Логика была чудовищной и очень человеческой: мёртвый уже точно знает, о чём стоило пожалеть.

— Ненавижу это место, — сказал Иан.

— Поэтому я здесь не работаю.

Лея остановилась у кабинки без вывески. За столом сидела женщина лет тридцати с волосами цвета серебряной проволоки.

— Вард, — сказала она.

— Села.

— Ты обещала больше не приходить.

— Я часто обещаю правильные вещи.

Села посмотрела на Иана.

— Это он?

Иан повернулся к Лее.

— Ты обо мне рассказывала?

— Не льсти себе. Твоя история известна половине архива.

Села протянула руку.

— Фрагмент.

Лея дала маленький накопитель. Женщина вставила его в прибор, надела один наушник. Через несколько секунд лицо изменилось.

— Где вы это взяли?

— Сколько?

— Где?

— Села.

— Двадцать.

— Пятьдесят.

— Двадцать пять.

— Сорок и информация.

— Какая?

— Штиль.

Женщина сняла наушник.

— Уходите.

— Значит, знаешь.

— Не знаю.

— Ты перестала торговаться.

Села посмотрела на штору, будто проверяя, не слушает ли кто-то снаружи.

— Три месяца назад рынок завалило новыми записями. Чистыми.

— Что значит чистыми?

— Эха без сожаления.

Иан нахмурился.

— Такого не бывает.

— Я тоже думала.

Села открыла ящик, достала маленькую катушку.

— Послушай.

Иан надел наушник. Мужской голос говорил спокойно:

— Сегодня я подписал отказ от мастерской. Правильно. Завтра перееду в сектор семь.

Правильно. Ли останется. Правильно. Я больше не думаю о другой дороге.

Запись закончилась.

— Это не эхо, — сказал Иан.

— Спектр настоящий.

— Он звучит как...

— Человек, которому всё равно?

— Нет. Как человек, которому уже ответили на все вопросы.

Села кивнула.

— Такие записи приходят пачками. Всегда с одного направления. Юго-запад.

— Остров Тар, — сказала Лейя.

— Я не произносила название.

— Теперь произнесла я.

Села выругалась.

— Дайте мне сорок и карту морских маршрутов.

— Тридцать и карту.

— Лейя.

— Что?

— Ты торгуешься с человеком, который только что подтвердил существование тайного проекта по уничтожению сожалений.

— Именно поэтому у неё слабая позиция.

Села неожиданно рассмеялась.

— Скучала по тебе.

Она достала деньги и свернутую карту. В этот момент за шторой кто-то остановился.

Тень.

Села перестала улыбаться.

— Через заднюю дверь. Сейчас.

Лея схватила карту.

— Кто?

— Реестр.

Штора распахнулась.

Мужчина в сером плаще показал жетон.

— Иан Сорр?

— Нет, — сказал Иан.

Мужчина посмотрел на него.

— Потрясающая попытка.

Лея швырнула ему в лицо чашку с холодным кофе.

Они побежали.

Рынок оказался идеальным местом для бегства: узкие проходы, сотни людей, развешанная одежда, корзины, дым от жаровен и продавцы, совершенно не заинтересованные помогать государственным служащим. Иан перепрыгнул ящик с апельсинами.

— Это был твой план?

— Нет!

— Хорошо!

— Почему хорошо?

— Был бы ужасный план!

Они свернули между рядами. Впереди появились ещё двое серых. Лея резко остановилась.

— Назад.

Но сзади уже шёл первый.

Иан огляделся.

Над рынком висели старые ветровые колокола — дешёвые бытовые приёмники, которыми торговцы заманивали покупателей обещаниями «услышать удачу». Он посмотрел на чёрную катушку в кармане.

— Ты умеешь бегать быстро?

— Уже выяснили.

— Очень быстро?

— Что ты задумал?

Иан выдернул катушку, зацепил струну за металлическую стойку и протянул к ближайшему колоколу.

— Нарушить ещё одно правило.

— Какое?

— Почти все.

Он натянул струну. Ветер под эстакадой был слабым, но достаточно. Чёрный металл запел.

Сначала тихо.

Потом сразу десятки колоколов вокруг откликнулись. По рынку прошёл гул.

Люди остановились.

Из сотен дешёвых динамиков разом заговорили голоса.

Будущие.

Прошлые.

Чужие.

— ...не покупай красную...

— ...скажи ей сейчас...

— ...я должен был остаться...

— ...семнадцать, ответ семнадцать...

— ...мама, ты была права...

Рынок взорвался криками.

Серые остановились.

— Сейчас, — сказал Иан.

Они нырнули в толпу. У самого выхода один из колоколов над головой Иана произнёс его собственным старым голосом:

— Надо было оставить Лею на мосту.

Он споткнулся.

Лея схватила его за руку.

— Иан!

— Ничего.

— Что ты услышал?

— Ничего.

И впервые ложь прозвучала для него почти так же убедительно, как будущее.

Глава 10. Поезд, которого нет

В 23:31 на старом вокзале было четверо.

Иан.

Лея.

Орен.

И женщина, которую никто из них не знал. Она сидела на краю платформы в длинном зелёном пальто и читала газету трёхдневной давности.

— Вы тоже на Ноль? — спросила Лея.

Женщина перевернула страницу.

— Я жду мужа.

— Здесь двадцать семь лет не ходят поезда.

— Он опаздывает тридцать один.

Лея посмотрела на Иана.

— Не спрашивай, — тихо сказал он.

Орен принёс рюкзак с инструментами, три старых паспорта, еду и пистолет. Иан увидел оружие.

— Вы умеете стрелять?

— Нет.

— Зачем тогда?

— Люди, которые не знают, умею ли я, обычно ведут себя осторожнее.

— Убедительно.

— Я прожил достаточно долго благодаря смеси осторожности и блефа.

На табло отсчитывались минуты.

23:37.

Иан держал компас. Три лепестка указывали на них. Четвёртый дрожал в направлении тоннеля. Лея ходила по платформе.

— Что происходит после отправления?

— Не знаю, — сказал Орен.

— Вы работали над проектом.

— Над теорией. Платформа Ноль существовала только на бумаге.

— Обожаю повторяющиеся мотивы этой поездки.

23:38.

Иан смотрел в тоннель.

— Что если голос прав?

Лея остановилась.

— Какой?

Он не ответил. Орен повернул голову.

— Ты слышал ещё один?

Иан проклял себя.

— На рынке.

— Что сказал?

— Неважно.

— Если ты собираешься ехать в источник вызванных резонансов, важно всё.

Лея смотрела на него. Иан не хотел говорить. Не потому, что боялся её реакции. Потому что после произнесения фраза становилась реальнее.

— Мой голос сказал: «Надо было оставить Лею на мосту».

Лея моргнула.

— Каком мосту?

— Не знаю.

— Полезное будущее.

— Лея.

— Что? Мне следует испугаться и немедленно уйти, чтобы через двадцать лет ты пожалел уже о том, что я ушла?

— Именно поэтому личные эха запрещены, — сказал Орен.

23:39.

Лея подошла к Иану.

— Послушай. Если когда-нибудь мы окажемся на мосту и ты решишь меня оставить, сделай это потому, что в тот момент считаешь правильным. Не потому, что старый ты шепнул тебе через водосточную трубу.

— Это была струна.

— Не порть речь.

Иан улыбнулся. Где-то далеко появился свет. Женщина с газетой встала.

— Наконец-то.

Из тоннеля действительно шёл поезд. Но не по рельсам. Рельсы заржавели и местами были разобраны. Свет двигался по пустому пространству между ними. Сначала показались две белые точки. Потом тёмный силуэт локомотива. Он был старым — гораздо старше вокзала. Чёрный металл, круглые окна, медные детали. Но колёса не касались земли. Под ними дрожал воздух. Поезд остановился без звука. На двери первого вагона была единственная цифра:

0.

Женщина в зелёном пальто сложила газету.

Дверь открылась.

Из вагона вышел пожилой мужчина. Он увидел женщину.

Остановился.

Она тоже.

Тридцать один год, подумал Иан. Мужчина сделал шаг. Женщина ударила его газетой по лицу.

— Ты идиот.

Он рассмеялся и заплакал одновременно. Она обняла его. Никто из троих не произнёс ни слова. Потом мужчина посмотрел на Орена.

Лицо изменилось.

— Вы опять открыли дорогу?

— Не мы.

— Тогда кто?

Орен показал на Иана. Мужчина посмотрел на него долго.

— Сын Левана.

Иан почувствовал, как всё внутри сжалось.

— Вы знали отца?

— Все в Штиле знают твоего отца.

— Он жив?

Мужчина посмотрел на женщину рядом, словно проверяя, имеет ли право отвечать.

— Там слово «жив» стало сложным.

Двери начали закрываться. Орен схватил их рукой.

— Нам нужно войти.

Мужчина побледнел.

— Нет.

— Почему?

— Потому что поезд привозит людей из Штиля только тогда, когда кто-то внутри впервые за много лет о чём-то пожалел.

Он посмотрел на состав.

— А сегодня приехало двенадцать вагонов.

Иан оглянулся.

Из темноты действительно тянулся длинный поезд.

— Что это значит?

Мужчина крепче обнял жену.

— Что Штиль разваливается.

Дверь снова открылась.

Будто приглашала.

Орен первым шагнул внутрь. Лея — за ним. Иан задержался на пороге. Старый его голос сказал: не ищи отца. Другой сказал: оставь Лею. Отец сказал: не верь голосам только потому, что они говорят твоим голосом.

Три совета.

Три будущих или прошлых человека пытались управлять одной секундой его настоящего. Иан сделал шаг.

Дверь закрылась.

Поезд тронулся туда, где не было рельсов. Ветер за окном исчез. Впервые в жизни Иан услышал абсолютную тишину. И понял, почему люди могли захотеть остаться в ней навсегда.

ЧАСТЬ II. ШТИЛЬ

Глава 11. Место, где не шевелятся занавески

Иан понял, что поезд прибыл, не по торможению. Торможения не было. Просто тьма за окном перестала двигаться. Несколько секунд никто из них не вставал. В вагоне горели маленькие жёлтые лампы, обитые латуной. На полках лежали чужие чемоданы, под сиденьем у двери стояли детские красные сапоги, а на спинке кресла висел серый шарф. Всё выглядело так, будто пассажиры только что вышли выпить кофе и собирались вернуться. Но главным было не это. Главным была тишина. Иан до этой ночи не знал, что тишина бывает тяжёлой.

В Наре даже в четыре утра город продолжал существовать на слух: где-то гудел трансформатор, далеко шёл трамвай, в трубах жила вода, в щелях окон дышал ветер. Здесь не было ничего. Он потёр ладони. Шорох кожи прозвучал неприлично громко.

— Мне уже не нравится, — сказала Лея.

Орен поднялся.

— Это потому, что ты ещё можешь сравнивать.

— С чем?

— С местом, где тебе нравилось.

Дверь вагона открылась. За ней была станция. Не подземная и не похожая на старый вокзал. Узкая платформа тянулась вдоль белой стены. В стене через равные промежутки горели круглые светильники. Ни расписания. Ни часов. Ни указателей. Только одна надпись над выходом:

ШТИЛЬ

Под ней кто-то недавно дописал углём:

ЕСЛИ БЫ

И зачеркнул слова три раза. Орен остановился.

— Этого раньше не было.

— Вы здесь бывали? — спросил Иан.

— Один раз.

— Вы сказали, что Леван вернулся в проект один.

— Я сказал, что он не вернулся.

— Это не одно и то же.

Орен посмотрел на него.

— Привыкай. У взрослых большая часть правды состоит из разницы между похожими фразами.

Лея провела пальцами по угольным буквам.

— Почему «если бы»?

Старик не ответил. Они поднялись по лестнице. На последней ступени Иан почувствовал странное давление в ушах, как при резком спуске с высоты. Он сглотнул. Давление не исчезло. Потом они вышли наружу. Иан ожидал лабораторию. Купол. Заборы. Военных.

Увидел город.

Небольшой, светлый, почти красивый. Дома стояли вдоль широкой реки. Низкие фасады были окрашены в белое, охру и синий. Между ними росли деревья. На площади работала пекарня. Мужчина выставлял столики перед кафе. По мостовой ехала девушка на велосипеде, держа под мышкой свёрнутую газету. Самым неправильным были окна. Они были открыты. Занавески не двигались.

Ни одна.

Вода реки была совершенно гладкой. Листья на деревьях висели неподвижно, будто их нарисовали. На флагштоке перед станцией висел флаг и бессильно обнимал древко.

Ни ветра.

Нигде.

Иан впервые увидел мир без движения воздуха и ощутил почти физическое желание сделать вдох глубже, чтобы убедиться, что воздух вообще существует.

Существовал.

Только не хотел никуда идти.

— Как они дышат? — спросил он.

— Как и мы, — ответил Орен. — Штиль не останавливает воздух. Он останавливает некоторые его свойства.

— Это невозможно.

— Ты приехал на поезде без рельсов в город, спрятанный от географии. Выбирай аргументы экономнее.

Лея показала на небо.

— Облака движутся.

Очень медленно, высоко над городом действительно тянулись белые облака.

— Поле заканчивается примерно на двух километрах, — сказал Орен. — Всё, что выше, принадлежит обычному миру.

— Где мы?

— Географически?

— Желательно.

— Не знаю.

— Прекрасно.

— Пространственно Штиль находится там, где вероятность нескольких дорог настолько близка, что Платформа Ноль может удержать переход.

Лея повернулась к нему.

— А теперь человеческим языком.

— Между «могло быть» и «стало».

— Это был человеческий язык?

— Лучший, который у меня есть.

По площади шёл мальчик лет десяти с корзиной хлеба. Он увидел их и остановился. Не испугался. Просто рассматривал.

— Доброе утро, — сказала Лея.

— Сейчас ночь, — ответил мальчик.

Иан посмотрел на светлое небо.

— У вас ночь такая?

— Такая.

— А какая бывает ещё?

Мальчик нахмурился.

Вопрос действительно поставил его в тупик.

— Ночь одна.

Лея улыбнулась.

— Я имела в виду, бывает ли здесь темнее.

— Когда темнее, это другая ночь.

Он собирался идти дальше.

Орен спросил:

— Мальчик, где Дом Резонанса?

— На площади Семи.

— Если бы мы пошли вдоль реки, было бы быстрее?

Мальчик снова остановился. Посмотрел на Орена. Потом на реку.

— Но вы не пошли.

— Я спрашиваю: если бы пошли.

— Зачем?

— Чтобы узнать, какая дорога была бы быстрее.

— Вы идёте этой.

— Я знаю.

— Тогда та не дорога.

Иан почувствовал холод, хотя воздух был тёплым. Орен кивнул мальчику.

— Спасибо.

Тот ушёл.

Лея дождалась, пока он отойдёт.

— Он просто ребёнок.

— Именно.

— Что именно?

— Он родился здесь.

Орен посмотрел на неподвижную реку.

— В Штиле выросло уже первое поколение людей, для которых сослагательное наклонение почти не имеет смысла.

Иан вспомнил надпись на станции.

ЕСЛИ БЫ.

— Они не умеют представлять альтернативы?

— Умеют выбирать из того, что видят прямо сейчас. Хлеб или яблоко. Левую рубашку или правую. Работу плотника или врача, если обе существуют перед ними как реальные варианты.

— Но?

— Но после выбора вторая дорога быстро перестаёт существовать для внутреннего опыта. Они могут помнить факт. Не могут долго жить внутри вопроса «что было бы».

Лея тихо сказала:

— Поэтому нет сожаления.

— Поэтому почти нет.

С площади донёсся звон разбитой чашки. Женщина у кафе посмотрела на осколки, взяла веник и спокойно начала собирать.

Никакого раздражения.

Никакого «надо было поставить дальше от края». Просто разбитая чашка. Иан поймал себя на зависти.

Совсем маленькой.

Почти стыдной.

Сколько раз он лежал ночью и переписывал один разговор? Сколько раз представлял, что отец не ушёл? Что мать не устала ждать? Что он сам в десять лет сказал что-то другое в последнюю ночь? Здесь этого можно было не делать.

— А почему тогда Штиль разваливается? — спросил он.

Орен не успел ответить. На другом конце площади мужчина резко остановился. Ему было около пятидесяти. В руках он нёс деревянный ящик с бутылками.

Ящик выпал.

Стекло разбилось.

Мужчина прижал ладони к вискам.

— Нет, — сказал он.

Люди вокруг замерли. Он повторил громче:

— Нет. Нет, нет, нет.

Женщина выбежала из пекарни.

— Томар?

Мужчина посмотрел на неё с ужасом.

— Я мог не говорить ей это.

Женщина побледнела.

— Что?

— В тот день. Я мог промолчать.

Он дышал всё чаще.

— Я мог остаться дома. Мог пойти за ней. Мог...

Люди начали отходить. Не потому, что боялись самого мужчины. Потому что боялись слов.

«Мог».

«Мог».

«Мог».

Они звучали на площади как признаки неизвестной болезни. Иан сделал шаг к нему. Орен схватил его за плечо.

— Не трогай.

— Ему плохо.

— Я знаю.

Из переулка появились двое в серых пальто. Не полиция. У них не было оружия. Один нёс маленькую медную рамку, похожую на переносную часть слуховой башни. Они окружили мужчину.

— Томар, посмотрите на меня.

— Я мог поехать с ней.

— Посмотрите на меня.

— Если бы я...

При словах «если бы» кто-то в толпе заплакал. Серая рамка зазвенела.

Очень тихо.

Мужчина обмяк.

Его подхватили.

— Что они сделали? — спросил Иан.

— Снизили резонанс, — сказал Орен.

— То есть заставили перестать сожалеть.

— Временно.

Один из людей в сером поднял голову.

Увидел Орена.

На лице не появилось удивления.

Только усталость.

— Господин Вейр.

Орен медленно убрал руку с плеча Иана.

— Рал.

— Доктор Керн сказал, что вы однажды вернётесь.

— Керн многое говорил.

Рал посмотрел на Иана. Потом на Лею.

— А вот насчёт сына Левана он ошибся.

— В чём?

— Говорил, что мальчик окажется умнее отца.

Иан почувствовал, как Лея рядом напряглась. Рал кивнул в сторону улицы.

— Доктор ждёт вас.

— Откуда он знает, что мы приехали?

Рал посмотрел на неподвижные деревья.

— В городе без ветра, — сказал он, — особенно хорошо слышно, когда появляется новый.

Иан хотел спросить, что это значит. Но в этот момент занавеска в окне третьего этажа шевельнулась.

Один раз.

Совсем чуть-чуть.

И только рядом с ним.

Глава 12. Грамматика свободы

Доктор Керн жил не в лаборатории. Он жил над книжным магазином. Это показалось Иану подозрительным сильнее, чем если бы тот обитал в бункере. Люди, собирающиеся изменить природу человеческого выбора, по мнению Иана, не должны были иметь балкон с геранью. Дом стоял на площади Семи. Никаких семи объектов на ней не было. Иан пересчитал деревья — восемь. Фонтаны — два. Арки — четыре.

— Почему Семи? — спросил он у Рала.

— Так называется.

— Почему?

Рал пожал плечами.

— Всегда так называлась.

Орен тихо сказал:

— Раньше здесь было семь дорог.

Иан оглядел площадь. Теперь из неё выходили четыре улицы.

— Куда делись остальные?

— Перестали быть нужны.

— Дороги обычно не исчезают, если ими не пользоваться.

— Здесь исчезают.

Рал бросил на Орена недовольный взгляд.

— Не надо пугать гостей старыми историями.

— Они приехали поездом Ноль. Поздно беречь их впечатлительность.

Книжный магазин назывался «То, что есть». На витрине стояли романы.

Иан задержался.

Все названия были странно прямыми.

«Дом у реки».

«Лето в Мерне».

«Жизнь Эдана Мора».

«Семь дней».

Ни одного вопроса. Ни одного обещания другого мира. Лея тоже заметила. Она вытащила тонкую книгу.

Открыла середину.

— Послушай: «Леда вошла в комнату. На столе лежало письмо. Она прочитала письмо.

Утром она уехала».

Перелистнула страницу.

— И?

— Всё.

— Может, плохой писатель.

Продавщица подняла голову.

— Мара Весс получила городскую премию.

Лея закрыла книгу.

— Конечно.

На втором этаже их ждали. Керн оказался старше Орена. Очень худой мужчина с белыми волосами и прямой спиной сидел у окна за круглым столом. Перед ним стояли чайник, четыре чашки и тарелка с лимонным печеньем.

— Пять, — сказал он, не оборачиваясь.

Рал замер.

Керн поставил на стол ещё одну чашку.

— Ты тоже останешься. Людям полезно присутствовать при разговорах, последствия которых им потом устранять.

Рал сел у двери. Керн взглянул на Иана. Не так, как смотрят на сына старого друга. Как на результат долгого эксперимента.

— Ты похож на мать.

Иан сел.

— Вы её знали?

— Дважды встречал. Оба раза она считала меня опасным человеком.

— Она редко ошибалась.

Керн улыбнулся.

— Леван говорил почти то же самое.

— Где он?

— Здравствуй, Иан.

— Где мой отец?

— Ты проделал длинный путь.

— Поезд ехал сорок три минуты.

— Я не о поезде.

Орен вмешался:

— Не начинай свои уроки.

— А ты не начинай делать вид, что пришёл только ради мальчика.

В комнате стало теснее. Керн налил чай. Лея не притронулась к чашке.

— Я архивист, — сказала она. — Поэтому у меня профессиональная аллергия на людей, которые отвечают на простой вопрос историей своей жизни.

Керн впервые посмотрел на неё с интересом.

— Лея Вард.

— Откуда вы знаете?

— Вы вошли в поле в 23:58 по внутреннему времени. У каждого из вас есть резонансный след.

— Значит, следите.

— Наблюдаем.

— Как мило переименовано.

Керн снова посмотрел на Иана.

— Твой отец жив.

Иан не почувствовал ничего. Именно это удивило. Девять лет он представлял эти слова. Иногда во сне. Иногда в автобусе. Иногда, стоя у плиты. Воображал, что упадёт, закричит, рассмеётся, бросится куда-то. А теперь просто сидел. Тело не поверило первым.

— Где?

— В центральном контуре.

— Я хочу его увидеть.

— Увидишь.

— Сейчас.

— Нет.

Иан встал. Рал у двери тоже. Керн поднял ладонь.

— Сядь. Если бы я хотел тебя удержать, ты бы уже не помнил, зачем сюда приехал.

Орен резко посмотрел на него.

— Не говори так.

Керн помолчал.

— Справедливо.

Иан не сел.

— Почему я не могу увидеть отца?

— Потому что поле нестабильно. Ты появился внутри него как источник личного эха высокой мощности. Если подойдёшь к центральному контуру неподготовленным, мы получим не семейную встречу, а резонансный выброс.

— И что случится?

— Не знаю.

Иан ожидал чего угодно, только не этого.

— Вы построили Штиль и не знаете?

— Люди почему-то думают, что создатель обязан понимать своё создание. Родители особенно любят эту ошибку.

Орен усмехнулся без радости.

— Наконец-то сказал что-то честное.

Керн игнорировал его.

— Ты уже знаешь основу. Эха — не пророчества. Это следы сожаления. Момент, когда будущий человек мысленно возвращается к развилке с достаточной силой, иногда резонирует назад.

— Иногда?

— У одного из примерно восьмисот тысяч сожалений хватает структуры, чтобы пройти против временного градиента. У одного из двадцати миллионов — чтобы стать разборчивой речью. Башни сделали редкость системой.

Лея сказала:

— А вы решили убрать сожаление.

— Мы решили проверить, можно ли уменьшить его разрушительную форму.

— Не меняйте глаголы, — сказал Орен. — Вы решили убрать способность представлять отвергнутый вариант.

Керн посмотрел на него.

— Потому что видел, что эта способность делает с людьми.

— И что?

— Ты правда хочешь снова спорить об этом через тридцать лет?

— Через тридцать лет я хотя бы всё ещё способен спорить.

Керн повернулся к Иану.

— Ты вырос в культуре, где сожаление романтизируют. Говорят, оно учит. Делает мудрее. Напоминает о ценности выбора.

Он подвинул к нему чашку.

— Иногда. А иногда человек десять лет каждую ночь возвращается к одной двери. Иногда мать проживает смерть ребёнка тысячу раз, потому что мозг продолжает строить версии, в которых она могла его спасти. Иногда мужчина стареет в браке, который ненавидит, потому что одновременно проживает двадцать воображаемых браков. Иногда девочка не выходит из дома, потому что заранее видит тысячу способов, которыми её унижат.

— Это не только сожаление, — сказала Лея.

— Конечно. Это контрфактуальное мышление. Один из великих даров вида. И один из великих палачей.

— Поэтому вы отрезали половину дара.

— Мы уменьшили громкость.

Иан наконец сел.

— Почему тогда город ломается?

Керн посмотрел в окно. На площади мужчина, которого увели, уже шёл обратно домой между двумя сопровождающими.

— Потому что девять лет назад Леван изменил ядро.

Орен резко поднял голову.

— Что именно он сделал?

— То, что обещал никогда не делать. Оставил внутри поля возможность сомнения.

— Как?

— Через себя.

Иан почувствовал знакомое давление в ушах.

— Не понимаю.

Керн взял печенье, но не ел.

— Система должна была фильтровать контрфактуальные петли. Леван построил исключение: если человек способен сформулировать альтернативу не из страха и не из боли, а из желания создать несуществующее, поле не подавляет её.

Лея нахмурилась.

— Отличить сожаление от воображения технически невозможно.

— Было невозможно.

Керн перевёл взгляд на Иана.

— Пока твой отец не нашёл критерий.

— Какой?

— Будущее сожаление.

Тишина.

— Он использовал эха как тест?

— Если идея ведёт человека к моменту сильного сожаления, поле получает сигнал. Если нет — пропускает.

Иан медленно понял.

— Получается, Штиль решает, какие мечты безопасны, исходя из того, пожалею ли я о них потом.

— Упрощённо.

— Это не свобода.

— Леван согласился бы с тобой.

— Тогда зачем сделал?

Керн впервые выглядел старым.

— Потому что в тот момент считал это компромиссом.

Иан почти рассмеялся.

— А потом пожалел.

— Очень сильно.

За окном что-то произошло. Одна из занавесок поднялась.

Потом другая.

На дереве дрогнули листья. Чай в чашке Иана покрылся маленькой рябью.

Рал вскочил.

— Западный сектор.

Керн не двигался.

— Уже здесь.

— Что уже здесь? — спросила Лея.

Керн посмотрел на Иана.

— Ветер.

Откуда-то снизу донёсся детский голос:

— Мама, а если бы мы жили у моря?

На площади люди остановились.

Женщина ответила:

— Мы живём у реки.

— Я знаю. А если бы у моря?

Она открыла рот. Не смогла ответить. Мальчик улыбнулся, словно только что обнаружил новую комнату в собственном доме.

— Представляешь?

И в этот момент по площади прошёл первый настоящий порыв ветра. Он поднял салфетки со столиков.

Распахнул окно.

Сорвал с головы прохожего шляпу.

Люди закричали.

А Иан, сам не понимая почему, рассмеялся.

Глава 13. Дом человека, который не вернулся

Ветер длился сорок семь секунд. Этого хватило, чтобы в Штиле началась паника. Люди захлопывали окна. Кто-то пытался ловить листья. В кафе женщина держала скатерть обеими руками, будто ветер был преступником, пришедшим украсть мебель. Мальчик на площади бегал за собственной шляпой и смеялся. Его мать плакала. Потом всё прекратилось. Воздух снова застыл. Один лист ещё несколько секунд падал с дерева, медленно вращаясь. На него смотрели десятки человек. Когда лист коснулся земли, площадь выдохнула.

— Это из-за меня? — спросил Иан.

Керн не ответил сразу.

— Отчасти.

— Очень успокаивающее слово.

— Ты принёс внутрь поля активную частоту, которой здесь не было девять лет.

— Частоту моего сожаления?

— Твою способность создавать эхо.

— У всех она есть.

— Не такая.

Орен встал.

— Хватит.

Керн посмотрел на него.

— Ты всё ещё хочешь решать, сколько правды он выдержит?

— Нет. Я хочу решить, сколько твоих объяснений выдержу я.

Он повернулся к Иану.

— Пойдём.

— К отцу?

— Пока нет.

— Тогда куда?

— В его дом.

Керн не остановил. Это беспокоило Иана. Дом Левана находился на окраине, где город переходил в поля. По пути они прошли школу. Во дворе дети играли в странную игру. Один бросал деревянное кольцо на колышек. Если попадал, получал очко. Если промахивался, поднимал кольцо и бросал снова. Никто не говорил: «почти». Никто не менял стойку после промаха. Никто не советовал попробовать иначе.

Просто бросали.

— Они учатся? — спросил Иан.

— Конечно, — сказал Орен.

— Как, если не сравнивают результат с другим возможным действием?

Лея ответила раньше:

— Через повторение факта. Это сработало. Это не сработало. Но без внутренней симуляции.

— Звучит медленно.

— Зато спокойно.

Орен посмотрел на неё.

— Тебе нравится?

Лея подумала.

— Иногда я трачу четыре часа, выбирая, какой ответ написать в сообщении из двух слов.

— Это не ответ.

— Поэтому и нравится.

Они вышли за последнюю улицу. Дом стоял отдельно. Небольшой, из серого камня, с мастерской вместо гаража. Сад зарос, хотя в Штиле почти ничего не зарастало хаотично: без ветра семена плохо разлетались. На двери висела медная табличка.

ЛЕВАН СОРР

Ни должности.

Ни даты.

Иан не двигался. Он вдруг испугался не того, что увидит отца. А того, что увидит его вещи. Вещи человека иногда жестче самого человека. Они не умеют объяснять, почему их хозяин ушёл. Орен открыл дверь своим ключом.

— У вас есть ключ от его дома.

— Есть.

— И вы девять лет ничего не сказали.

— Я много чего делал девять лет, чем не горжусь.

— Удобная фраза.

— К сожалению, удобство не делает её ложью.

В доме пахло пылью, металлом и сухими травами. На кухне стояла одна чашка. В комнате — кресло, полки, старый проигрыватель. На стене висела карта Нары.

Иан подошёл.

На карте не было Штиля. Но от старого вокзала шла тонкая карандашная линия за край бумаги. Лея открывала ящики.

— Не трогай всё подряд, — сказал Орен.

— Я архивист.

— Именно поэтому говорю.

Иан вошёл в мастерскую. Там было тесно от деталей. Струны. Медные рамки. Катушки. Разобранные часы. На центральном столе лежал деревянный корпус прибора, похожего на компас из камеры 217. Только здесь было восемь лепестков. Седьмой в их приборе был неподвижен большую часть времени. Восьмого не существовало.

— Орен.

Старик подошёл.

Побледнел.

— Я никогда этого не видел.

— Что это?

— Не знаю.

Лея наклонилась над столом.

— Зато я знаю, что это.

Она показала на край деревянного корпуса. Там были вырезаны слова. Не техническая маркировка.

Фраза.

ЕСЛИ БЫ ВОСЬМАЯ ДОРОГА БЫЛА НАШЕЙ

Иан провёл пальцем по буквам.

— Здесь все помешались на «если бы».

— Потому что это самая запрещённая конструкция в городе, — сказала Лея.

На стене висели листы с заметками Левана. Большинство состояло из формул. Некоторые были перечёркнуты. Один лист оказался списком обычных предложений. Если бы дождь шёл вверх. Если бы птицы забыли землю. Если бы дверь открывалась только тому, кто не хочет входить. Если бы у числа семь был запах. Если бы человек мог помнить то, чего не произошло. Лея читала вслух.

— Это не научные заметки.

Орен улыбнулся.

— Леван всегда очень серьёзно относился к глупостям.

— Зачем?

— Потому что они не обязаны быть полезными.

Иан посмотрел на восьмилепестковый прибор.

— Он тренировался представлять невозможное.

Орен кивнул.

— В Штиле самое сложное не сохранить память. Память говорит о том, что было. Поле её почти не трогает.

— А воображение говорит о том, чего нет.

— Именно.

Лея нашла в шкафу коробку. Внутри лежали детские рисунки. Иан узнал свой почерк раньше, чем сюжеты. Дом на ногах. Рыба с зонтиком. Человек, который держит Луну за нитку. Он сел на табурет.

— Это моё.

Орен ничего не сказал.

— Я рисовал это лет в семь.

На обороте каждого листа отец писал дату. И короткий вопрос. «Почему дом решил уйти?» «Зачем рыбе зонтик?» «Что будет, если отпустить Луну?» Иан почувствовал комок в горле. Он не помнил этих разговоров. Помнил руки отца. Запах припоя. Как сидел на полу мастерской в Наре. Как Леван никогда не исправлял его рисунки, даже когда у человека было шесть пальцев.

— Он привёз их сюда.

— Да, — сказал Орен.

— Зачем?

Старик опустил плечо.

— Потому что ты был для него доказательством.

— Чего?

— Что способность вообразить нелепое появляется раньше, чем страх ошибиться. Что человек сначала умеет создавать невозможное, а уже потом учится спрашивать, разрешено ли.

Иан долго смотрел на рисунок.

— И ради этого он бросил меня?

Орен закрыл глаза.

— Нет хорошего ответа.

— Я не просил хорошего.

— Он думал, что уезжает на три дня.

— Потом прошла неделя.

— Да.

— Потом месяц.

— Да.

— Потом девять лет.

Орен не оправдывался. И это злило сильнее. Лея стояла у дальней стены.

— Иан.

Он не обернулся.

— Что?

— Здесь дверь.

— Я вижу шкаф.

— Шкаф стоит перед дверью.

Они втроём отодвинули тяжёлую конструкцию. За ней действительно была узкая металлическая дверь без ручки. В центре — восемь маленьких углублений, расположенных кругом. Иан посмотрел на прибор.

— Восемь лепестков.

Орен взял корпус со стола. Прибор вошёл в углубление идеально. Семь лепестков дрогнули. Восьмой остался неподвижен. Ничего не произошло.

— Нужна частота, — сказал Орен.

— Какая?

Из стены раздался треск.

Иан отступил.

Динамика нигде не было. Но голос прозвучал отчётливо.

Его собственный.

Старый.

— Если ты дошёл до дома, значит, я всё-таки не смог тебя остановить.

Лея резко посмотрела на Иана.

— Это то же эхо?

— Нет.

Голос продолжал:

— Хорошо.

Иан почувствовал злость. Даже его будущее умудрялось говорить так, будто знало больше.

— Не слушай дальше, — сказал Орен.

— Поздно.

— Восьмая дорога не открывается ключом, — сказал старый Иан из стены. — Она открывается вопросом, на который у тебя нет ответа.

Пауза.

— И если ты сейчас думаешь спросить, где отец, не трать время. Ты знаешь, что хочешь его найти.

Иан сжал кулаки.

— Спроси то, чего ты действительно боишься не знать.

Эхо исчезло.

Никто не говорил.

— Очень полезно, — сказала Лея. — Твоя старость раздражает меня уже сейчас.

Иан смотрел на дверь. Вопрос, на который у него нет ответа. Не «где отец». Не «жив ли он». Это уже знал. Не «зачем он ушёл». Он хотел узнать, но вопрос был о прошлом. Восьмая дорога, подумал он. То, чего нет. Он положил ладонь на прибор.

— Если я найду его...

Орен напрягся.

Иан закончил:

— ...захочу ли я, чтобы он вернулся?

Восьмой лепесток повернулся.

Дверь открылась.

За ней не было комнаты. За ней дул ветер.

Глава 14. Восьмая дорога

За металлической дверью начинался коридор. Это было разочаровывающе. После вопроса о том, захочет ли он вернуть собственного отца, Иан ожидал хотя бы пропасть, иной мир или чудовище, которое потребует ещё один ответ. Коридор был узким, бетонным и плохо освещённым. Зато в нём дул ветер.

Настоящий.

Он пах землёй. Иан шагнул внутрь, и волосы упали ему на лоб. Такое простое движение показалось почти чудом. Лея подняла лицо навстречу потоку.

— Я никогда не думала, что буду скучать по сквозняку.

Орен закрыл дверь за ними. Штиль остался с другой стороны.

— Где мы?

— Под городом, — сказал он.

— Вы же не знали про дверь.

— Не знал. Но Леван рассказывал о старом вентиляционном русле. До проекта здесь были шахты.

Коридор спускался.

Через сто метров стены стали каменными. Ещё через двести под ногами появилась вода. Поток воздуха усиливался. Впереди послышался звон. Иан остановился.

Не голос.

Музыка.

Тонкая, неровная.

Как если бы кто-то развесил в темноте стеклянные ложки и позволил воздуху выбирать ноты. Они вышли в огромную подземную полость. Иан забыл спросить, куда идти дальше. С потолка свисали тысячи предметов.

Колокольчики.

Проволочные птицы.

Бумажные спирали.

Деревянные лодки с парусами.

Небольшие зеркала.

Кусочки цветного стекла. Между ними тянулись чёрные струны. Ветер входил через естественную трещину в скале и заставлял всю конструкцию жить. На дальней стене огромными буквами было написано:

ЗДЕСЬ МОЖНО ПРИДУМЫВАТЬ ТО, ЧЕГО НЕТ

Лея медленно улыбнулась.

— Мне начинает нравиться твой отец.

— Ты его ещё не встретила.

— Так безопаснее.

Под надписью стояли длинные столы. На них лежали сотни вещей. Чашка с двумя ручками с одной стороны. Зонт, раскрывающийся вниз. Книга, у которой страницы были круглыми. Часы с тринадцатью цифрами. Деревянная лестница, первая ступень которой находилась наверху. Иан поднял металлическую вилку, у которой вместо четырёх зубцов был один широкий.

— Что это?

— Плохая вилка, — сказала Лея.

— Зачем её делать?

— Возможно, чтобы понять, почему обычная хорошая.

— Или просто потому, что можно, — сказал чужой голос.

Они обернулись.

Девушка сидела на верхней перекладине деревянной конструкции, которую Иан сначала принял за часть мастерской. Лет восемнадцать. Короткие тёмные волосы. Серые брюки, рубашка, босые ноги. Она держала яблоко. Орен вытащил пистолет. Девушка посмотрела на него.

— Если выстрелите, пуля отскочит от трубы справа и попадёт вам в ногу.

Орен опустил оружие.

— Ты это рассчитала?

— Нет. Придумала.

Она откусила яблоко.

— Здесь так принято.

Иан шагнул ближе.

— Кто ты?

— Тала.

— Ты живёшь здесь?

— Иногда.

— Что значит иногда?

— Иногда я живу у Керна. Иногда здесь. Иногда нигде достаточно долго, чтобы считать это жильём.

Лея присмотрелась.

— Ты родилась в Штиле.

Тала кивнула.

— Девятнадцать лет назад. В доме у синего фонтана, которого теперь нет.

— Почему его нет?

— Сломался. Решили не восстанавливать.

— А если бы восстановили?

Тала улыбнулась. Не растерялась, как мальчик.

— Я бы, возможно, снова ненавидела его цвет.

Орен тихо выругался.

Тала спрыгнула.

— Вы господин Вейр.

— Откуда знаешь?

— Леван показывал фотографию.

Иан перестал слышать колокольчики.

— Когда?

— Давно.

— Насколько давно?

— Вчера утром.

Иан шагнул к ней так резко, что Лея схватила его за локоть.

— Где он?

Тала посмотрела на его лицо.

— Ты Иан.

— Где отец?

— Он сказал, что ты спросишь именно так.

— Все сегодня знают меня лучше меня. Это начинает утомлять.

— Он в Ядре.

— Керн сказал то же самое. Где Ядро?

Тала показала вниз.

— Ниже.

— Веди.

— Нет.

Иан рассмеялся.

— Почему все говорят мне «нет», а потом через десять минут всё равно ведут?

— Я могу попробовать продержаться одиннадцать.

Лея неожиданно рассмеялась. Иан посмотрел на неё.

— Что?

— Наконец-то встретился человек, который разговаривает с тобой твоим же способом.

Тала прошла между столами.

— Леван просил сначала показать вам это место.

— Зачем?

— Потому что иначе ты увидишь Ядро и решишь, что всё просто.

— А оно не просто.

— Ничего важного не бывает простым после того, как люди построят вокруг него институт.

Орен посмотрел на неё внимательнее.

— Он и это говорил?

— Нет. Это моё.

Тала остановилась у стены, где висели листы бумаги.

Детские рисунки.

Не Иана.

Десятки других почерков.

«Если бы у воды были двери».

«Если бы собака могла выбрать имя человеку».

«Если бы мы спали только днём».

«Если бы солнце иногда забывало взойти».

«Если бы мёртвые могли присылать открытки».

Иан задержался на последнем.

— Дети из города приходят сюда?

— Приходили.

— Керн разрешал?

Тала посмотрела на него так, будто вопрос был смешным.

— Конечно нет.

— Леван приводил?

— Сначала одного. Потом двоих. Потом нас стало двенадцать.

— Зачем?

— Он хотел понять, можно ли вернуть человеку воображение, не возвращая разрушительное сожаление.

Орен подошёл к листам.

— Получилось?

Тала долго молчала.

— Смотря что считать результатом.

Она сняла со стены рисунок. На нём девочка держала за руку женщину с длинными зелёными волосами. Над ними было нарисовано солнце, а рядом — дом с пятью окнами. В углу стояла дата семилетней давности.

— Это я.

— А женщина? — спросила Лея.

— Мама.

— Она здесь?

— Нет. Умерла, когда мне было пять.

Иан посмотрел на рисунок ещё раз.

— Ты нарисовала её через семь лет после смерти.

— Да.

— Значит, помнила.

— Помнила факт. Голос. Запах мыла. Что она была высокая. Но до Левана я никогда не представляла её живой сейчас.

Тала провела пальцем по зелёным волосам.

— Он спросил: «Если бы твоя мама вошла сюда сегодня, что бы ты ей показала?»

— **И?**

— Я не поняла вопрос.

Она улыбнулась очень слабо.

— Он потратил три недели, чтобы научить меня понимать слово «если» не как условие инструкции, а как дверь.

Колокольчики над ними изменили мелодию. Ветер стал сильнее.

— А потом? — спросил Иан.

Тала вернула рисунок на стену.

— Потом я открыла дверь.

Глава 15. Первое сожаление

Первым, что Тала придумала сама, оказалась не воскресшая мать, а клубника зимой.

— Леван очень разочаровался, — сказала она.

— Почему? — спросил Иан.

— Не разочаровался. Я тогда не умела различать его лицо. Он засмеялся.

Они сидели прямо на полу подземной мастерской. Орен нашёл чайник. Лея нашла сухой чай. Тала нашла способ вскипятить воду в устройстве, которое, по словам Орена, вообще не предназначалось для нагревания.

— Что дальше? — спросила Лея.

— Я представила клубнику на снегу. Потом дерево, которое растёт вниз. Потом как выглядел бы город, если бы дома стояли на реке.

— А мать?

Тала смотрела в чашку.

— Мать пришла позже.

Иан уже понимал, куда ведёт история, и хотел одновременно услышать и остановить её.

— Однажды Леван спросил, чего я хочу на день рождения. Я сказала — новые ботинки.

Старые промокали.

— Практично.

— В Штиле дети обычно практичны. Желание легче, когда предмет существует.

Она подняла глаза.

— А он сказал: «Нет. Чего ты хочешь, чего сейчас нет?»

Тала помолчала.

— Я ответила: «Чтобы мама увидела, что я выросла».

Никто не пошевелился.

— И что произошло? — тихо спросил Иан.

— Ничего. Сначала.

Она поставила чашку.

— Потом я начала думать, что сказала бы ей. Где мы бы гуляли. Понравились бы ей мои волосы. Узнала бы она меня. Сердилась бы, что я перестала есть суп. Обычные вещи.

Тала улыбнулась.

— Я придумала целый день.

Улыбка исчезла.

— А вечером поняла, что этого дня не будет.

Иан смотрел на неподвижные инструменты на столе.

— Ты пожалела.

— Я не знала слова в том смысле, в котором знаете вы.

— Но почувствовала.

— Словно мне второй раз сообщили, что она умерла. Только в первый раз я потеряла человека. А во второй — всё, что ещё могло случиться между нами.

Лея тихо выдохнула.

— Что сделал Леван?

— Испугался.

— Он хотел вернуть воображение.

— Да. Но он думал, что сможет отделить его от боли.

Тала пожала плечами.

— Взрослые любят возвращать детям половину вещей.

Орен отвёл взгляд. Иан вспомнил слова Керна: поле пропускает идеи, которые не ведут к сильному будущему сожалению.

— Твоё сожаление создало эхо?

— Не сразу.

Тала встала и подошла к одной из чёрных струн.

— Через год я услышала себя.

— Будущую?

— На одиннадцать месяцев старше.

— Что сказала?

Тала коснулась струны двумя пальцами.

— «Лучше бы я никогда не научилась этому слову».

Иан почувствовал неприятный холод.

— «Если бы»?

— Да.

— И ты перестала приходить?

— На неделю.

— Потом?

— Вернулась.

— Почему?

Она посмотрела на него.

— Потому что голос говорил из момента боли. Не из момента истины.

Фраза легла между ними. Иан сразу вспомнил собственные эха.

Не ищи отца.

Надо было оставить Лею на мосту. Он столько часов относился к ним как к инструкциям, даже зная, что они сожаление. Знание оказалось слабее инстинкта.

— Это Леван тебе объяснил?

— Нет. Я ему.

Орен рассмеялся. Первый раз с тех пор, как они вошли в Штиль, по-настоящему.

— Узнаю его метод преподавания. Создать проблему и дожидаться, пока ученик объяснит преподавателю ошибку.

Тала тоже улыбнулась.

— После моего эха он изменил работу. До этого хотел создать безопасное воображение. Потом понял, что это противоречие.

— Почему?

— Потому что невозможно заранее решить, какая мысль причинит человеку слишком много боли, не решая одновременно, каким человеком ему позволено стать.

Лея посмотрела на Иана.

— Вот тебе и вся книга Управления в одном предложении.

— Поэтому отец саботировал Штиль.

— Не сразу, — сказала Тала.

— Что ещё?

Она не ответила.

Иан понял.

— Что?

— Ты должен спросить у него.

— Я девять лет не мог спросить у него вообще ничего.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

Тала спокойно выдержала его взгляд. Иан тут же пожалел о тоне.

Смешно.

Он почти почувствовал, как где-то в будущем рождается фраза: «не надо было говорить ей так».

— Извини.

— Хорошо.

— Ты не скажешь «ничего»?

— Но это было что-то.

Лея прикрыла рот ладонью, скрывая улыбку. Иан решил, что ему начинает не нравиться Штиль за слишком эффективных собеседников. В глубине тоннеля прозвучал металлический удар. Тала мгновенно встала.

— Они нашли дверь.

Орен поднял пистолет.

— Керн?

— Скорее Рал.

— Есть другой выход?

— Если бы был, я бы сейчас очень хотела, чтобы мы его построили.

— Значит, нет.

— Видите? Вы учитесь.

Лея уже собирала бумаги Левана.

— Что им нужно?

Тала погасила три лампы.

— Мне — вернуться в город.

— Почему?

— Потому что официально я лечусь.

— От чего?

— От способности сожалеть.

Иан замер.

— Они считают это болезнью?

— Не все. Но после того как поле начало слабеть, люди стали получать мысли, к которым не готовы. Панические приступы. Бессонница. Навязчивые варианты. Один мужчина пытался три дня решить, правильно ли женился двадцать два года назад.

— И?

— Его жена решила первой и выгнала.

Даже Орен улыбнулся.

Тала продолжила:

— Керн думает, что если не стабилизировать поле, Штиль получит всё, от чего его когда-то защищали, сразу. Представь людей, которые никогда не тренировались жить с сожалением, и дай им за один день всю их жизнь в сослагательном наклонении.

Лея перестала улыбаться.

— Это может быть тяжело.

— Уже тяжело.

— Значит, Керн не просто пытается сохранить власть.

Тала пожала плечами.

— Люди редко делают страшные вещи только ради власти. Обычно у них есть очень хорошая причина. Так страшнее.

Шаги приближались.

Орен встал между дверью и остальными.

— Идите к Ядру.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Иан у Талы.

— Да.

— Тогда идём.

— Через эту дверь.

Она показала на тот же проход, откуда шли шаги.

— Прекрасно.

Металлическая дверь распахнулась. На пороге стоял Керн.

Один.

Он посмотрел на пистолет Орена. Потом на Талу. Потом на детские рисунки.

— Я всё надеялся, — сказал он, — что Леван уничтожил это место.

— А я всё надеялся, — ответил Орен, — что ты когда-нибудь научишься не входить без стука.

Керн шагнул внутрь. Ветер тронул его белые волосы. Он закрыл глаза. На одну секунду его лицо стало совсем другим.

Не спокойным.

Не уверенным.

Испуганным.

— Выключите струны, — сказал он.

— Почему? — спросил Иан.

Керн открыл глаза.

— Потому что через девятнадцать минут начнётся Пересборка.

Тала побледнела.

— Вы не можете.

— Уже могу.

— Леван не даст.

Керн взглянул на Иана.

— Именно поэтому мне нужен его сын.

Глава 16. Человек, который послушал будущее

— Нет, — сказал Иан.

Керн кивнул.

— Разумный первый ответ.

— И последний.

— Это редко бывает разумно.

Орен держал пистолет на уровне груди. Керн не обращал внимания.

— Что такое Пересборка? — спросила Лея.

— Возврат поля к исходной архитектуре.

— Без исключения Левана?

— Да.

Тала шагнула к нему.

— Вы удалите всё.

— Я остановлю распад.

— Вы удалите способность воображать.

— В пределах Штиля — подавлю неконтролируемые контрфактуальные циклы.

— Ненавижу, когда жестокость переодевают в технический язык, — сказала Лея.

Керн посмотрел на неё почти печально.

— А я ненавижу, когда сложность переодевают в красивую моральную фразу.

Он повернулся к Тале.

— Сегодня утром девочка семи лет пыталась выпрыгнуть из окна, потому что впервые представила, что родители могли её не родить. Она решила, что является ошибкой одной из возможных жизней. Час назад Томар вспомнил последнюю ссору с сестрой и начал биться головой о стену. В западном секторе двести три человека не вышли на работу, потому что не могут перестать пересматривать прошлые решения.

Тала молчала.

— Им нужна помощь, — сказал Керн. — Не философия.

— Помощь — это научить жить с выбором, — ответил Иан.

Керн повернулся к нему.

— Сколько лет тебе понадобилось, чтобы научиться?

Иан хотел ответить.

Не смог.

— Вот именно. А им дали всё за несколько дней.

Орен сказал:

— Тогда стабилизируй поле временно. Не возвращай исходную архитектуру.

— Мы пробовали.

— Кто «мы»?

— Я и Леван.

Орен опустил пистолет на сантиметр.

— Он согласен на Пересборку?

Керн молчал.

— Значит, нет.

— Леван уже девять лет не может принимать это решение свободно.

— Почему?

Керн перевёл взгляд на Иана.

— Потому что он стал частью Ядра.

Иан шагнул вперёд.

— Что это значит?

— Он удерживает исключение собственным резонансом. Пока Леван сомневается, система сомневается вместе с ним.

— Вы подключили его к машине?

— Он подключил себя.

— Зачем?

— Чтобы я не смог вернуть поле к исходному состоянию без второго совместимого резонанса.

Иан понял раньше, чем Керн закончил.

— Моего.

— Да.

Орен поднял оружие снова.

— Ты ждал его.

— Я надеялся, что он никогда не придёт.

— Врёшь.

— Девять лет я держал Платформу Ноль закрытой со стороны Штиля.

— Но сегодня поезд пришёл.

— Не по моей воле.

Он посмотрел на Талу. Она отвела взгляд.

Иан заметил.

— Что ты сделала?

— Потом.

— Тала.

— Потом.

Керн сказал:

— До Пересборки шестнадцать минут.

Иан сжал зубы.

— Я не помогу.

— Я ещё не просил.

— Вы только что сказали, что вам нужен я.

— Нужен. Но прежде чем ты решишь, я хочу показать тебе одну вещь.

— Нет.

— Историю, почему появился Штиль.

— Орен уже рассказал.

— Орен рассказал историю Левана.

Керн взглянул на старика.

— Он никогда не любил мою.

— Потому что твоя заканчивается неправильным выводом, — сказал Орен.

— А может, потому что она начинается с твоей ошибки.

Орен застыл. Керн снял с шеи цепочку. На ней висело маленькое кольцо из чёрного металла.

Кусок струны.

— Тридцать четыре года назад мы ещё не понимали личные эха. Башни были экспериментальными. Записи появлялись редко. Я работал с Ореном на южной станции.

Орен отвернулся.

— Не надо.

— Надо.

Керн положил кольцо на стол.

— У меня была жена. Элис. И сын, Матео. Ему было шесть.

Он говорил спокойно.

Слишком спокойно.

— Мы собирались ехать на север, в горы. Утром перед отъездом я дежурил. На струне услышал свой голос.

Иан смотрел на чёрное кольцо.

— Что он сказал?

— «Надо было выбрать северную дорогу».

Лея медленно выдохнула.

Керн продолжал:

— До гор вели две трассы. Северная и прибрежная. Мы всегда ездили по северной. В тот день Элис хотела поехать вдоль моря, показать Матео маяк.

— А вы слышали эхо, — сказал Иан.

— Я решил, что получил предупреждение.

Керн посмотрел прямо на него.

— Убедил жену ехать северной.

Тишина подземной мастерской изменилась. Даже колокольчики словно звучали тише.

— На перевале сошла порода, — сказал Керн. — Их машина оказалась третьей.

Иан не спросил, выжили ли они. Ответ был в лице мужчины.

— А ваше будущее сожаление? — тихо спросила Лея.

— Я услышал его полностью через два года, когда научились очищать запись.

Керн закрыл глаза.

— «Надо было выбрать северную дорогу тогда, в первый раз, когда Элис просила отвезти её к врачу. Я решил срезать вдоль моря. Мы опоздали на обследование. Если бы болезнь нашли раньше...»

Он остановился. Иан почувствовал, как внутри что-то падает.

— Эхо вообще не относилось к поездке в горы.

— Нет.

— Но вы послушали.

— Да.

— И они погибли.

Керн открыл глаза.

— Да.

Орен тихо сказал:

— Я был дежурным инженером. Я разрешил ему забрать необработанный фрагмент.

Иан посмотрел на старика. Вот почему Орен так боялся первого правила. Не из-за инструкции. Из-за лица шестилетнего мальчика, которого он никогда не видел.

— После этого, — сказал Керн, — я перестал верить в ценность человеческой способности бесконечно моделировать другие варианты.

— Вы должны были перестать верить в эха как инструкции, — ответил Иан.

— Думаешь, я этого не понимаю?

Впервые голос Керна поднялся.

— Я понимаю лучше тебя. Каждый день тридцать четыре года.

Он коснулся чёрного кольца.

— Но эхо только усилило то, что уже делал мой разум. До записи я сотни раз прокручивал болезнь Элис. После смерти — тысячи. После Матео — миллионы. Я прожил больше жизней с ними в голове, чем одну, которая у нас была.

Керн снова стал спокойным.

— Штиль начался не с желания контролировать человечество. Он начался с вопроса: можно ли оставить человеку память, любовь и ответственность, но убрать машину пытки, которая называется «если бы»?

Тала сказала:

— И вы решили, что можно.

— На время — да.

— Вы не скучаете по ним здесь?

Керн посмотрел на неё.

— Я помню их.

— Я не спросила, помните ли.

Он не ответил. Тала подошла ближе.

— Представляете, какой была бы Матео сейчас?

— Нет.

— Никогда?

— Нет.

— Каким мужчиной?

— Нет.

— Были бы у него дети?

— Тала.

— Вы могли бы быть дедушкой.

Керн ударил ладонью по столу. Чашка упала и разбилась.

Все замерли.

Керн смотрел на осколки. Потом опустил на стул.

— Вот, — сказал он тихо. — Именно это я пытаюсь вам объяснить.

Тала побледнела.

— Простите.

— Не надо.

Он долго смотрел на пол.

— Ты имеешь право спросить.

Ветер шевелил край его рукава. Керн поднял голову.

— Но право причинить человеку боль не означает, что боль обязательно полезна.

Где-то далеко прогудел низкий сигнал. Тала посмотрела вверх.

— Десять минут.

Керн встал.

— Иан. Ты можешь ненавидеть меня после. Можешь разрушить Штиль, если найдёшь способ, который не убьёт половину города. Но прямо сейчас люди получают десятилетия непрожитого сожаления без какой-либо психологической защиты.

— И что вы хотите от меня?

— Войти в Ядро. Увидеть отца. И вместе с ним удержать поле во время Пересборки.

— А потом?

— Потом решишь.

Орен рассмеялся.

— Он не сможет решить потом, если ты вернёшь исходное поле.

Керн промолчал.

Иан взглянул на него.

— Это правда?

— После полной Пересборки твоя способность удерживать несколько внутренних вариантов резко снизится.

— То есть я соглашусь помочь, а потом перестану понимать, почему мог быть против.

— Возможно.

— Это не согласие.

— Я знаю.

Иан почувствовал, что именно эти два слова пугают сильнее всего.

Не оправдание.

Не ложь.

Человек перед ним прекрасно понимал моральную цену того, что собирался сделать. И всё равно собирался. Снова прогудел сигнал.

Девять минут.

Керн направился к выходу.

— Я пойду к Ядру. Через девять минут Пересборка начнётся автоматически. Без тебя вероятность разрушения поля — шестьдесят два процента.

— А если оно разрушится?

Керн остановился у двери.

— Тогда всё подавленное поле выпустит наружу сразу.

— Что именно?

— Чужие сожаления.

Он посмотрел на Иана.

— Все.

Глава 17. Ядро

До Пересборки оставалось восемь минут. Иан ненавидел решения с таймером. Они почти всегда притворялись выбором.

— Я не обещаю помогать, — сказал он.

Керн кивнул.

— Тогда хотя бы обещай идти быстро.

Они вышли из подземной мастерской через дверь, которую Тала раньше называла единственным выходом. За ней начиналась лестница вниз. Орен задержался у порога.

— Леван действительно там?

— Да.

— Девять лет?

— Да.

— И ты позволил мне думать, что он, возможно, мёртв.

Керн посмотрел на него.

— Ты позволил его сыну думать то же самое.

Удар оказался точным. Орен не ответил.

Они пошли.

Лестница закручивалась вокруг пустого шахтного ствола. Чем ниже спускались, тем сильнее становился звук.

Не гул.

Шёпот.

Сначала Иан решил, что разговаривают люди внизу. Потом различил слова.

— ...надо было взять трубку...

— ...я мог сказать правду...

— ...не надо было продавать дом...

— ...если бы я приехала раньше...

— ...пусть бы он меня ненавидел...

Голоса шли из стен.

Тысячи.

Иан остановился.

— Это что?

Керн не обернулся.

— Нагрузка.

— Это люди.

— Это следы.

— Чьи?

— Жителей Штиля.

Лея провела ладонью по камню.

— Вы сказали, что поле подавляет сожаление.

— Подавляет переживание. Не сам резонанс.

Орен тихо выругался.

— Вы его накапливали.

— Не было другого способа.

— Всегда есть другой способ.

— Любимая фраза людей, которым не приходится строить работающую систему.

Они спускались дальше. Голоса становились громче. Иан услышал женский смех, потом плач, потом совсем бытовое:

— ...надо было купить зелёные шторы...

Это почему-то напугало сильнее трагедий. Не вся человеческая боль была великой. Большая часть состояла из мелочей, которые никто не заметил, кроме самого человека.

— Сколько здесь? — спросил он.

Керн ответил:

— Девятнадцать лет.

— Я спрашиваю сколько голосов.

— Никто не считал.

Лея резко остановилась.

— Вы построили резервуар из непрожитого сожаления целого города и никто не считал?

— Мы считали энергию резонанса.

— Я не про энергию.

Керн наконец повернулся.

— Вот поэтому ты архивист, а я инженер.

— Нет. Именно поэтому вы однажды проснётесь и обнаружите, что цифра была человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.